

Шесть камешков на счастье

Автор:

Кевин Милн

Шесть камешков на счастье

Кевин Алан Милн

Любовь глазами мужчины. Романы Кевина Алана Милна (Эксмо)

Нейтан Стин живет по принципу: делай добро – и получишь добро в ответ. Каждый день уходя на работу, он кладет в карман шесть камешков, которые напоминают ему о долге творить добрые дела. Но только ли потребность в благородных поступках заставляет его помогать людям? Или есть другой мотив? Тайный мотив?

Кевин Алан Милн

Шесть камешков на счастье

© Рапопорт И., перевод на русский язык, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

И вот некто, подойдя, сказал Ему: Учитель благий! Что сделать мне доброго..?

Евангелие от Матфея, глава 19, стих 16

Пролог

Нэйтан

Есть ли разница между просто скрытным человеком и человеком, который что-то скрывает? Я всегда полагал, что есть. В первом читается разочарование и тяга к обману, второй же, напротив, склонен доверять людям. И все же я сомневаюсь, что моя жена согласилась бы с моей логикой в данном случае, если б знала, от кого сегодня я получил сообщение по электронной почте.

Говорят, здесь, в Техасе, все имеет большие масштабы. Если бы масштаб той тайны, которую мне нужно было хранить, можно было измерить, я бы, пожалуй, согласился с этим утверждением.

– Сколько сегодня камней, дорогой? Все шесть? – спрашивает Хэлли.

Мы в спальне, и она крутится рядом, переодеваясь. Любому другому такой вопрос показался бы странным.

– Да, – отвечаю я, ослабив узел галстука и расстегнув верхнюю пуговицу рубашки. – Но сегодня все больше по мелочам. Так что переложил только маленькие камешки. Не то что вчера.

Я опускаю руку в правый карман брюк и достаю шесть небольших камешков. Все они красные, но у каждого свой оттенок. Я сжимаю их в кулаке, легонько трясусь, вспоминая все происшедшее за день, бросаю на блюдце на туалетном столике и продолжаю готовиться ко сну.

– Да брось! – пристает Хэлли. – Не скромничай. Ты же знаешь, я обожаю подробности.

«О да, уж я-то знаю. А ты знаешь, как я люблю тебя дразнить», – думаю я про себя, а вслух интересуюсь:

– И что мне за них будет? Поцелуй?

Хэлли хихикает.

– Давай так – я подумаю над этим, а ты пока расскажешь мне все самое интересное!

– Идет, – тоже со смешком соглашаюсь я. – Что бы тебе рассказать... Я встретился с Мартином в перерыве на ланч, и мы потрепались. Я ведь еще не говорил, что его уволили? Месяц назад. И жена его тоже работы лишилась, так что ему сейчас туго. Думаю, он рад был ненадолго слинять из дома. Я ему подбросил пару вакансий, так что, надеюсь, он... – я быстро просовываю голову в ворот пижамы, – ...оклемается.

Хэлли тоже надевает пижаму.

– Продолжай! – Она в нетерпении.

– Так вот... Ммм... Я оставил официантке хорошие чаевые. Даже, наверное, больше, чем стоило, – не могу сказать, что обслуживала она меня так, что невозможно было придраться, но было видно, что лишние деньги ей не помешают. Что тебе еще рассказать?... Ну, парочка мелочей на работе: стажер провалил экзамен, я его подбодрил, у секретарши возникли проблемы с компьютером, я показал ей, куда надо ткнуть... и еще всякое прочее. А по дороге домой я заскочил к Дэйву с Терезой – принес им поесть.

– А я-то думала, ты зашел в китайскую забегаловку, только чтобы мне не пришлось готовить, – снова хихикает Хэлли.

– Пусть будет так, – смеюсь я в ответ. – Но, по правде сказать, меня очень беспокоит Тереза. Ей становится все паршивее, и лучше бы они с Дэйвом разрешили мне помочь им расстаться.

Я бросаю беглый взгляд в зеркало и оглядываю свою фигуру. Неужели у меня отросло брюшко? Пытаюсь втянуть живот – не тут-то было. Наверное, я слишком много времени провожу в зале суда и слишком мало – в спортивном зале. Впрочем, телосложение – не главное в жизни. Хэлли подходит сзади и обнимает

меня за мою обширную талию.

– Ты хороший человек, Нэйтан Стин. Ты и твои милые камешки. Нашему миру нужно побольше таких людей.

– Нашему миру нужны придурковатые чуваки с камешками? – хмыкаю я.

Она смеется и тычет мне кулачком в бок:

– Я не об этом!

Коротким рывком я перебрасываю ее и чмокаю в щеку:

– Ну хватит обо мне. А ты как? За ужином ты была не слишком-то разговорчива.

– Да? Наверное, дети столько всего хотели тебе рассказать, что я решила им не мешать, – уклоняется Хэлли от прямого ответа.

– Нет, тут явно была другая причина. Мне ли тебя не знать? Выкладывай, какие проблемы?

Хэлли протяжно вздыхает, садится на кровать и откидывается на подушки.

– Неужели я такая насквозь предсказуемая?

– За столько лет ты уже давно для меня как открытая книга. Так что не финти!

Она, должно быть, тоже считает, что я для нее – открытая книга, и, наверное, в каком-то смысле это и правда так. Вот только в моей книге есть пара глав, о существовании которых Хэлли и не догадывается.

– Ну... Эта женщина... – мнется моя жена.

– Погоди-ка, – я оживляюсь, – позволь мне угадать. Кто-то умер, на похороны нужны были цветы, и ты растрогалась. Я прав?

Хэлли хватает в изголовье кровати подушку и запускает ею в меня. Подушка шмякается по моему колену.

– Не просто «кто-то»! А совсем молодой мужчина. К слову, моложе тебя. И вдруг с бухты-барахты – сердечный приступ! Осталась семья. Похоронами заниматься некому: жена одна бегают, на ней лица нет, а дети с няней.

Я поднимаю с полу подушку и ложусь рядом с Хэлли под одеяло. Пару мгновений молчу, воззрившись на жену полными восхищения глазами. Потом спрашиваю:

– И какова была твоя скидка?

Хэлли улыбается:

– Пятьдесят процентов. На все.

– Кто бы сомневался в твоей отзывчивости! – Она пытается вклинить с замечанием, но я продолжаю: – И именно поэтому ты необыкновенный человек. Возможно, слишком сопереживающий клиентам, чтобы твой бизнес процветал, но ведь за это я и люблю тебя еще сильнее.

Я еще раз целую жену.

– И все же это так грустно, правда? Она не выходит у меня из головы. И мысли дурные все лезут и лезут... Был – и нет человека... Представь: я вдруг умру. А? Что тогда? Кстати, когда ты в последний раз мерял давление? Когда ты вообще в последний раз был у врача? – Голос жены становится строгим и наступательным.

– Думаешь, у меня лишний вес? – кротко осведомляюсь я.

– Дурак! – снова тычет мне Хэлли в бок кулачком. – Нет, я думаю, к твоим формам нет повода придирается. Но хорошо бы, чтоб так думал и твой доктор. Завтра с утра первым делом звоню ему и записываю тебя на прием. Еще не хватало, чтобы ты на мне отдал концы...

– Да брось ты, я здоров, как племенной бык! К тому же, если мне предначертано умереть молодым, никакой доктор тут не поможет.

– Неважно, ты все равно пройдешь медицинский осмотр. И как можно скорее. Я готова на все, чтобы не дать тебе покинуть меня.

– Только ради тебя. Но я обещаю, что не умру.

Хэлли накрывает своей ладонью мою и сильно сжимает.

– Прекрасно. Потому что без тебя я ничто.

– Неправда, и ты это знаешь. А вот представь себе меня без тебя... Я был бы просто сумасшедший с камешками в карманах.

– Со мной или без меня, но ты в любом случае просто сумасшедший с камешками в карманах, мой драгоценный.

Я смеюсь, но ничего не отвечаю. Время позднее, я порядком устал. У меня был трудный день, и теперь самое время, чтобы наша с Хэлли уютная болтовня перетекла в крепкий здоровый сон. Хотя она права: камешки я носил в карманах еще задолго до нашей с ней встречи и, даже если бы с ней что-то случилось, продолжал бы носить их и дальше.

Пока камешки не сотрутся в пыль или пока я сам не умру. Так я себе пообещал и во что бы то ни стало сдержу обещание.

Подумав об этом, я мысленно вернулся к событиям тридцатидвухлетней давности и вспомнил нескладную, в чем-то нелепую и не всегда опрятную девушку, над которой издевались все в нашем классе, Мэдди Мак Фэдден. Мэдди, которая была настолько же умной, насколько странной. Ту Мэдди, которую в школе все терпеть не могли.

Давным-давно, когда мы с Хэлли еще только встречались, я рассказал ей, почему с седьмого класса ношу эти камешки в брючных карманах. Я боялся, она не поймет или, еще хуже, подумает, что у меня крыша поехала. Но, слава богу, она нашла эту мою причуду в некотором роде вполне привлекательной. Впрочем, я

не рассказал Хэлли всего, опустив пару второстепенных деталей, которые в масштабе всей ситуации не имели значения, – и пару довольно важных вещей, которые как раз значение-то имели.

Правду говорят: дьявол – в деталях.

Но что, если бы я рассказал Хэлли о Мэдди сейчас? Если бы она узнала, что мы с ней по-прежнему поддерживаем отношения? Если бы я сказал ей, о чем Мэдди писала мне сегодня на электронную почту? Ну уж нет, все это точно бы ей не понравилось. К тому же есть вещи, которые нельзя говорить никому. Обещание есть обещание.

Хэлли перекатывается на кровати и кладет руку мне на грудь, чем возвращает меня в настоящее.

– Дорогой, ты уже минуту разглядываешь потолок, – сообщает она. – О чем таком ты задумался?

– Да ни о чем, – ласково бурчу я. – Размышляю, насколько трудный предстоит завтра день.

Я удобно устраиваюсь на кровати, целую любимую на ночь, выключаю светильник на тумбочке и закрываю глаза.

Я засыпаю, и возникает знакомое ощущение – сосет под ложечкой. Я всегда испытываю этот трепет, когда вспоминаю о прошлом. Оно становится все сильнее, и я уже почти слышу слова своего отца-пастора: «Быть честным – не просто лучший выход, Нэйтан, это единственный выход».

Так ли это? Неужели другого выхода нет? Неужели в мире есть лишь черное и белое, или все-таки бывают мгновения, когда благородные мотивы оправдывают существование некоторых оттенков серого? Честно говоря, не знаю. Возможно, папа и был прав. Возможно, поэтому я ему никогда и не говорил, что тогда произошло. И возможно, поэтому до сих пор у меня дыхание перехватывает всякий раз, как я думаю об этом, потому что от всей этой горькой правды хочется плакать. А правда в том, что лучший мой поступок за всю жизнь – и единственное доброе дело, которое действительно имеет значение, – ложь.

Часть I

Камни и кости... И Стины

Глава 1

Элис

Помни, кто ты.

Задолго до того, как я забираюсь на переднее сиденье к папе в машину, я знаю, что и сегодня по пути в школу он напутствует меня все той же фразой. Это стало для него ритуалом – его визитной карточкой. С тех самых пор, как я пошла в школу, изо дня в день он на прощание говорит мне одни и те же слова. Если считать, а я считала, сегодня ровно семь лет, два месяца и девятнадцать дней, как это все началось.

Мой папа Нэйтан – образец классически правильного человека. Именно это я в нем и люблю: его предсказуемость. Я знаю, что он сделает в следующую секунду. Люблю его «мантры», по которым он живет и о которых постоянно напоминает, вроде «Помни, кто ты», или «Не переживай по пустякам», или «Все мы лишь перекаати-поле», или его любимое – «Одно ведет к другому». На этой предсказуемости и основано мое доверие. Я уверена, что могу рассчитывать на него, если начинаю переживать по пустякам. Достаточно обсудить их с отцом, и я уже готова к решению больших проблем.

В последнее время моя жизнь состоит из череды больших проблем. По крайней мере, мне они кажутся таковыми, но опять же я девушка не такая уж крупная, так что это может зависеть от перспективы.

Если говорить о размерах, я, тринадцатилетняя девочка, едва выросла из шестого[1 - Размер 6 в Америке соответствует 40-му в России.]. И я самая маленькая в классе. Я говорю «девочка», потому что в моем классе есть мальчик

ниже меня ростом, но я не беру его в расчет, потому что у него и родители коротышки. Не люблю говорить «компактный», в конце концов, он же не модель компьютера, но это слово для него прекрасно подходит – он замечательно себя чувствует, несмотря на свой рост. Чего не скажешь обо мне. То, что я малявка, делает меня объектом насмешек.

Пока папина машина сворачивает на школьную парковку, я прислоняюсь лбом к прохладному стеклу, рассматривая группу подростков в тренчах, с кольцами в носу и выкрашенными в черный цвет волосами. Взглянув на них, я задумываюсь, какие новые сюрпризы преподнесет мне мой седьмой класс. Каждый день что-то новенькое. В основном издевки и колкие замечания. Я уже знаю, кого мне следует избегать, но это неважно – уж они-то знают, как меня найти. И всегда знали.

Я все еще помню свой первый день в детском саду. Мама поправляла мою косичку, а к дому уже подъехал гигантский желтый автобус с кучей детишек.

– Вот. Теперь ты настоящая принцесса, – сказала мама. – И вести себя в классе будешь как принцесса, хорошо?

– Да.

– Молодец! Я буду здесь ждать, когда ты вернешься на автобусе домой, хорошо?

Я кивнула и обняла ее ногу.

Папа подошел ближе, улыбаясь, и произнес волшебное заклинание:

– Элис, у тебя все получится, я знаю. Просто помни, кто ты! – Он запнулся, потом спросил: – Кто ты?

– Я Элис, глупенький, – хихикнула я.

Папа улыбнулся еще шире, нагнулся и поцеловал меня в лоб.

– Да, милая. Ты Элис. Но ты гораздо больше, чем просто Элис.

– Я Элис Стин?

– И даже больше, Тыковка. Иди, мы потом поговорим об этом, водитель уже заждался. Проведи время в школе хорошо и будь самой лучшей, Элис Стин!

И мы правда поговорили об этом потом. И не единожды. Вот только разговоры эти закончились выводами только один раз. Это было несколько лет назад. В тот день мы с моим старшим братом сильно опаздывали в школу: тот слишком долго искал чистые трусы. И папа предложил подбросить нас до школы по пути на работу.

– Эй, Тай! – окликнул он, уже остановив машину у здания школы и открыв дверь, чтобы мы с братом могли выйти.

– Знаю-знаю, – пробубнил в ответ Тай. – «Помни, кто ты».

– Именно. Помни, кто ты.

Я ждала, что сейчас Тай отпустит одну из своих фирменных колкостей, к которым так охотно прибегают подростки в его возрасте, но он лишь улыбнулся:

– Я помню, отец.

Как только Тай ушел, я вскарабкалась на его место и всю дорогу до моей школы просидела рядом с папой, впереди.

И вдруг спросила:

– Папуля, скажи мне еще раз, что ты имел в виду?

– Что я имел в виду под чем, милая? – Папины мысли были явно где-то далеко.

– Ну, вот это: «помни, кто ты такой».

– А!.. Ну... Кто ты?

– Ты прекрасно знаешь и без меня, кто я.

– Знаю, что знаю. А вот знаешь ли это ты сама?

– Да.

Отец взглянул на меня сверху вниз. Мы стояли на светофоре и ждали, пока стайка подростков перейдет дорогу.

Он сказал:

– Тогда расскажи мне, кто ты.

– Ну... – задумчиво протянула я. – Я Элис. Учусь в третьем классе. Люблю танцевать и рисовать. Я твоя единственная дочь. И я твой самый умный и самый-пресамый любимый ребенок.

Папа хмыкнул:

– В правильном идешь направлении, Эл. А еще?

– Ну, не знаю... Я красивая. Так?

– Конечно, ты красивая. Но я ведь спрашиваю тебя о чем-то гораздо большем. Знаешь, неважно, кто ты прямо сейчас, важно, как осознание себя поможет тебе в будущем стать такой, какой ты хочешь быть.

– Я хочу быть богатой, – простодушно призналась я.

Папа закатил глаза, но они по-прежнему искрились, как и каждый раз, когда мы с ним говорили. Казалось, он становился счастливым от одного взгляда на меня. Он сказал:

– Не ту цель ты перед собой ставишь, милая. Слушай: ты ведь сама сказала, что ты наша с мамой единственная дочь. Так? О чем это говорит?

– Что вам пора завести еще одного ребенка?

– Холодно. Еще одна попытка.

– Эмм... Не знаю... Что я похожа на вас?

– Больше на маму, надеюсь. Но уже теплее. Ты не только похожа на нас, ты такая же, как мы, даже больше, чем ты думаешь. Внутри тебя частичка нас с мамой, ты – наша дочь, а это значит, что у тебя...

– Герпес? Мама говорит, что если у меня начнется герпес, когда я вырасту, то это, скорее всего, я унаследовала от тебя.

Папа покачал головой и рассмеялся:

– Да, наверное, ты и вправду мой самый умный и самый-пресамый любимый ребенок. Но я имел в виду то, что у тебя в душе, Эл. Ты и так уже прекрасный человек, но если будешь стараться, то станешь еще лучше. И я не говорю, что ты должна пытаться во всем быть похожей на меня. Ты должна стать источником добрых поступков. Не забывай о том, как много у тебя возможностей, и старайся непременно их использовать.

Папа на мгновение умолкает – и добавляет:

– Ты хоть что-нибудь из этого поняла?

К тому моменту мы были уже почти возле школы.

– Да, думаю, да, – ответила я. – Спасибо, пап.

Спустя полминуты мы подъехали к парковке и остановились около тротуара, но я была еще не готова выйти из машины.

– Папочка, а ты, когда был ребенком, тоже хотел быть похожим на своего отца?

Улыбка на папином лице померкла.

– Конечно. – Он чуть помедлил, словно мысленно возвращался к чему-то давно позабытому. – Ты знаешь, он ведь мне каждое утро перед школой повторял те же слова, которые я тебе говорю. «Помни, кто ты, Нэйтан. И дай нам с матерью повод тобой гордиться!»

– И? – спросила я.

– Что «и»? – не понял папа.

– Ты дал ему повод для гордости?

Отец вздохнул.

– По большей части да, дорогая.

– Как же тогда получается, что теперь он почти к нам не приезжает?

Этот вопрос мы с Таем, а иногда и мама задавали не первый год.

– У вашего дедушки очень много дел.

– Ты всегда так говоришь!

– Потому что это правда. Пастор – сложная профессия, требующая много времени. А теперь тебе пора в школу. Хорошего дня, Тыковка, – вздохнул папа, взглянув на часы. И широко улыбнулся.

– И?.. – вкрадчиво начала я.

Он снова улыбнулся и потрепал меня по волосам.

– И помни, кто ты!

– Хорошо, пап. Люблю тебя, – ответила я и выпрыгнула из машины.

– Все хорошо? – спрашивает отец, останавливая автомобиль перед зданием школы. Я выбрасываю из головы воспоминания тех давних времен, когда была еще в третьем классе, и отвечаю, глядя ему прямо в глаза:

– Да. Просто с нетерпением жду начала еще одного дня в моей полной шика и гламура жизни семиклассницы.

– Я могу тебе чем-то помочь? – интересуется папа.

– Если ты переведешь меня на домашнее обучение, это будет как нельзя кстати! – Я расплываюсь в улыбке.

– Другие предложения есть? – смеется папа.

– Не-а. Переживу. Обычно же как-то я с этим справляюсь, – отмахиваюсь я.

Отец хмурит брови.

– Может, мне снова поговорить с директором? Наверняка он как-то сможет помочь.

– Ни в коем случае! – взвиваюсь я. – Когда ты с ним в последний раз поговорил, ребята, которых он наказал, обо всем узнали, и стало только хуже. Я должна справиться с этим сама.

Пару мгновений папа молча глядит на меня – и расцветает:

– Ты ведь знаешь, как сильно я тобой горжусь?

Я возвожу глаза к небу, но, надо сказать, почти незаметно.

– Мне пора – а то опоздаю...

– Ладно-ладно. Увидимся вечером. Помнишь, у Тая сегодня игра? Я люблю тебя, Эл, – с нежностью говорит мне отец.

– Я тоже тебя люблю, папочка! – Я выбираюсь из машины и почти уже ухожу. Но что-то не так, и, сделав пару шагов, я останавливаюсь и оборачиваюсь. Папа опускает стекло:

– Элис...

– Я знаю, пап!

Но он все равно выкрикивает свое коронное:

– И помни, кто ты!

Вот же ж старый дурак. И хотя всю эту трогательную сцену видит компания ребят, стоящих неподалеку, и я уверена, что уже красная как рак, я не могу не улыбаться.

– Хорошо, пап!

Как только его машина скрывается вдали, моя улыбка исчезает. Я уже, наверное, и не вспомню, когда в последний раз за все время моей учебы в школе я хотела улыбаться. Ладно, вспомню. Чуть больше года тому назад, но такое впечатление, что с того момента прошла целая вечность. Это было в прошлом году, когда я только-только пошла в шестой класс. Тогда Эшли Симмонс, моя закадычная подруга – она жила в соседнем доме, – девушка, которую мечтал поцеловать каждый из парней в нашем классе, решила, что я пагубно влияю на ее репутацию. Знаете, как это обычно бывает: я небольшого роста и не блещу красотой, а высокая и красивая Эшли явно не обременена интеллектом, и, соответственно, она решила, что в школьной тусовке я, словно якорь, утяну ее на социальное дно. То есть, конечно, она не говорила мне ничего подобного, это лишь мои домыслы. Но вместо того чтобы прямо сказать: «Элис, ты мне больше не нравишься» или «Я не хочу с тобой больше тусить», Эшли просто начала меня игнорировать, что, на мой взгляд, много хуже. И ладно бы только это. Но как-то раз во время урока физкультуры, когда мы переодевались в форму, Эшли перешла в наступление.

– О! Мой! Бог! – заорала она. – Элис, ты что, носишь еще прошлогодний лифчик?!

Мое сердце остановилось.

– Что?.. О... нет. То есть... Вряд ли, – проямлила я.

– Конечно! Ты что, не помнишь? Я же с тобой была, когда твоя мать помогала тебе его выбирать! – напонила Эшли мне со смешком, похотим на тот злобный смех, котрым смеются колдуньи в ужастиках. – Вот же, на нем божьи коровки, на них ты и запала тогда!

Мне не нужно было смотреть на свой лифчик – я и так знала, что на нем божьи коровки. Поэтому я сделала вид, что ничего не слышала, и как ни в чем не бывало принялась натягивать на себя футболку с логотипом школы. Вот только Эшли еще со мной не закончила.

– Какой у тебя размер, минус один? – язвительно поинтересовалась она.

– Да ей вообще в началке самое место, – подключилась одна из новых подружек Эшли. Подпевала липучая.

– Угу, пусть подрастет сначала, – поддакнула ей другая.

– Может, ей нужно волшебное печенье, чтобы чуток подрасти? – хихикнула Эшли. – Как Алисе в Стране чудес.

Оценив свою «остроумную» фразу, Эшли зашлась хохотом как ненормальная:

– Алиса в Стране чудес! У нас теперь своя собственная Алиса в Стране чудес!

И все принялись повторять за ней, в промежутках подхохатывая мне вслед.

Сомневаюсь, что это было смешно. И вряд ли остроумно. Но кто меня спрашивал? Мое мнение не брали в расчет. Крутые девчонки ржали как лошади, а значит, теперь надо мной начнет издеваться вся школа. Естественно, уже к перерыву на ланч новое прозвище прилипло ко мне намертво. Теперь в коридорах меня останавливали те, с кем я даже никогда не разговаривала, чтобы отпустить остроту из серии: «Ты, должно быть, Алиса в Стране чудес – по тебе же видно, что ты потерялась». Или что-то в таком духе: «Привет, девчонка, а где твой

Чеширский Кот?» А один парень попросил показать ему моих божьих коровок.

На следующий день Эшли совсем обнаглела. Я стояла у своего шкафчика и ждала, когда прозвенит звонок. И вдруг увидела ее в окружении свиты новых подружек.

– Привет, Элис! – пропела Эшли приторно-сладким голосом. – Гляди, что я для тебя испекла.

В руках у нее была бумажная тарелочка, накрытая фольгой. Я сорвала фольгу и увидела пустую тарелку с единственной печениной посередке. Буквы, написанные на нем глазурью, складывались в предложение: «Съешь меня!»

С тех пор я навечно стала объектом для издевательства. Удивительно, какие жуткие вещи подростки могут говорить, когда учителя не слышат. И конечно же, с тех пор каждый месяц я получала печенье с надписью «Съешь меня!», присланное очередным идиотом, который не хотел, чтобы надо мной перестали смеяться.

Но ходить в школу мне тем не менее нужно. Так что я делаю глубокий вдох, расправляю плечи, прохожу через школьные стеклянные двери и иду навстречу новому дню. Слава богу, сегодня пятница. Если я смогу пережить следующие восемь часов, в моем распоряжении будут все выходные, чтобы зализать раны, поплакаться в жилетку родителям и морально подготовиться к следующей неделе.

– Эй, ты! Что, ищешь Белого Кролика? – кричит мне вслед кто-то.

Или:

– Ты не ошиблась адресом, девочка? Начальная школа дальше по улице.

«Помни, кто ты такая, – говорю я сама себе и продолжаю идти. – Все будет хорошо».

У меня есть редкий дар обычно оказываться правой. Вот такая вот я умная. Но на этот раз я ошибаюсь. Все не будет хорошо. К концу дня все эти блески социального унижения станут лишь крошечной точкой на радаре моих проблем.

Папа прав: не стоит переживать по пустякам. Да и по-крупному переживать не стоит. Сохраню-ка я свои нервы до того момента, пока гигантский снежный ком жизненных трудностей не снесет мой маленький мир к чертям собачьим.

Глава 2

Тай

По сравнению со всеми остальными столами в школьном кафетерии стол старшаков, как его называют между собой школьники, стоит на возвышении. Небольшом – но достаточном для того, чтобы мы, те, кто заслужил право за ним сидеть, имели полный обзор всего происходящего рядом.

– Чувак, по-моему, те новенькие девчонки на нас пялятся! – говорит Диллон.

Диллон всегда думает, что девчонки на него пялятся, хотя это редко соответствует действительности. Я даже не понимаю, про каких конкретно девчонок он говорит, но и неважно.

– Ну так чего бы тебе не стрельнуть номерок? – говорю я с каменным лицом.

– Ты что, серьезно? – таращит Дилл глаза.

– Да брось ты, Дилл, они же новенькие, – отвечаю я.

Диллон немногим позволяет себя называть сокращенным именем. Видимо, потому, что воспоминание о жуткой кличке Дилл-дебил, прилепившейся к нему в младших классах, все еще его травмирует. Но мне он разрешает, потому что мы близкие друзья. Сколько себя помню, всегда с ним дружил.

– Да, но они же такие классные! – не унимается мой друг.

Я наконец перевожу взгляд в ту сторону, куда уставился Диллон. Ну да, он прав: среди них есть парочка симпатичных. И они правда на нас смотрят. Как только девушки замечают, что и я смотрю на них, то начинают кокетливо похохатывать. А потом одна из них машет рукой.

– Чувак, она мне махнула, – истекает слюной Дилл.

Я не хочу его разочаровывать и говорить, что махали не ему. Не помню, как зовут эту девушку – Энджи, Анжела, Агнес? – но я ее сразу узнал и могу с уверенностью сказать, что она меня тоже.

Мы столкнулись на перемене. Она спускалась по лестнице, споткнулась, и все ее вещи рассыпались по ступенькам. Я подошел и помог их собрать.

Переборов смущение (еще бы, перед всей школой грохнуться на лестнице – не самое приятное), девушка подала голос:

– Ты ведь нападающий, да? Тай Стин?

– Да, это я.

Да, это я. Люди знают обо мне только то, что я нападающий. Меня знают не за хорошие оценки и даже не за мои человеческие качества. А за то, что я неплохой нападающий. К тому же мне все равно приходится лупить и лупить голы, чтобы не упасть в глазах окружающих.

Как только девушка поняла, с кем разговаривает, тут же смутилась еще сильнее, чем от мысли, что только что грохнулась на лестнице у всех на глазах.

– Спасибо за помощь, – проямлила она. И после паузы: – Почему ты мне помогаешь?

Вспомнил – Анжелика! Точно, так ее зовут. Вопрос Анжелики показался мне любопытным, но воспринял я его без энтузиазма. Единственным вариантом ответа, пришедшим мне в голову сразу же, был «Так бы поступил мой отец», но

это звучало бы совсем по-идиотски, поэтому я ограничился лишь: «А почему нет?» – отдал девчонке ее вещи и отвалил.

Но с того момента этот ее вопрос прочно засел в моей голове. Зачем я ей помог?

– Почему бы тебе не махнуть в ответ? – говорю я Диллону.

– Ты что, серьезно? – загораются у того глаза.

– Брось, Дилл. Они же новенькие, – вздыхаю я.

И делаю паузу, скользя взглядом по группам школьников в кафетерии. Столовая похожа на сад во дворе нашего дома: на первый взгляд не подкопаться. Но если присмотреться, замечаешь то сорванные цветы, то сорняки, вылезшие тут и там.

Я присматриваюсь повнимательнее.

За столом по правую руку от моего сидит мальчишка. Судя по всему, его цель – стать частью этого стола, чтобы никто его не заметил. За соседним столом – Маршал. Этого парня я знаю потому, что он один из двух старшекласников, которые помимо меня входят в школьную футбольную команду. Сейчас Маршал издевается над кем-то из младших. На пареньке – его жертве – ковбойская шляпа, и Маршал срывает ее с его головы, пасуя одной из девушек за соседним столом. Та, в свою очередь, перекидывает шляпу другому младшему, который напяливает ее на себя, подбегает к ближайшей урне и запихивает туда шляпу. Парень, у которого отобрали ее, кажется, готов расплакаться. На другом конце столовой я вижу девушку с выкрашенными в розовый цвет волосами. Она показывает средний палец группе чирлидерш, которые, судя по всему, только что сказали ей какую-то гадость. Посреди всей этой суматохи я замечаю парня, с которым мы вместе ходим на физику, – по-моему, его зовут Марк или как-то похоже. Он что-то высчитывает на калькуляторе. Вдруг какой-то верзила-старшекласник в футболке с изображением Че Гевары ни с того ни с сего проносится мимо и что есть силы бьет его по затылку. Марк делает вид, что ничего не произошло, но, как только обидчик скрывается из виду, кривится от боли.

Сорняки и сорванные цветы. В школьной столовой их куда больше, чем хотелось бы.

– Ну и что ты затих? – осведомляется Диллон.

– Да просто задумался, – отмахиваюсь я от него.

– О чем это?

Хороший вопрос. Я даже не знаю, о чем задумался. А если и знаю, то Диллу это никак не получится объяснить – он понятия не имеет, что такое быть сыном Нэйтана Стина. И я отвечаю вопросом на вопрос:

– Как думаешь, если бы я сейчас запустил в кого-нибудь картошкой с кетчупом, хорошая бы получилась драчка?

– Чувак, не смей даже думать об этом!

– Что это вдруг?

– Тебя же могут временно исключить! А без тебя сегодняшняя игра коту под хвост.

– И что? Есть же Джим, он клево играет.

– Но он тебя не заменит, Тай.

– А может, он... Хотя нет, проехали.

– Нет, не проехали. Что – он?

Ну вот, лучше бы я прикусил свой длинный язык!

– Ну же, Тай, – подзадоривает меня Дилл. – Давай, колись.

Я знаю, Диллон не успокоится, пока я не отвечу, поэтому для затравки кидаю фразу, которая почти ничего не объясняет:

– Ну... я тут думал, а что, если Джим хочет быть нападающим в стартовом составе больше меня? Может, мне вообще это все надоело?

– Заткнись, чувак. Ты меня пугаешь.

– Я серьезно, Дилл. Может, без меня будет лучше.

– Совсем сбрендил. Что бы там кто ни сказал, а только с тобой нам светит чемпионский титул в лиге. Не то чтобы все остальные совсем уж мусор, но без тебя игра не игра.

Диллон даже не догадывается, насколько он прав. Каким-то образом у него получилось выразить словами все то, что крутилось у меня в голове с момента этого идиотского диалога с – как ее там звали? – ах да, Анжеликой. Я знаю, что футбол и помощь девчонке, споткнувшейся на лестнице, – совершенно разные вещи, но в каком-то странном смысле они очень похожи. Если на поле я налажаю, команда проиграет, и я буду знать, что всех подставил. Во втором случае все куда сложнее, но не менее драматично – а все из-за папочки моего, джентльмена чертова. Нет, правда, он как мать Тереза местного разлива. Точнее, отец Тереза. Словно помочь всем в том нуждающимся: друзьям, соседям, знакомым, прохожим на улице, даже тем, кто его терпеть не может, – является целью его жизни. Мой отец выручает всех и вся каждый раз, когда ему представляется такая возможность. И чем старше я становлюсь, тем больше понимаю, что он ждет подобного отношения к людям и от меня.

Вот только я не уверен, что смогу быть как он.

Я не могу быть таким, как мой папаша, поскольку знаю: если у меня не получится – а у меня точно не получится, – я его подведу. Да, я помог растяпенювенькой подобрать учебники на лестнице, но по доброй воле или потому, что испугался, что скажет папа, если я поступлю иначе?

Что за бред я несу?

Ну и что, что я помог ей? Это что, имеет какое-то значение? Нет, конечно. От этого ничего не изменилось: везде по-прежнему есть кто-то, кому нужна моя помощь, – к примеру, тот мальчишка, чью шляпу выбросили в мусорную корзину, или Марк, который до сих пор трет место затрещины. Если я не могу помочь им

всем, зачем вообще утруждаться?

– А может, – бормочу я себе под нос, – вместо того чтобы переживать о сорванных цветах, легче быть сорной травкой?

Диллон слышит только конец предложения.

– Травкой? – уточняет он резким голосом. – Тай... Чувак... И думать забудь! Так ты точно вылетишь из команды!

Мне становится так смешно, что смех на минуту спасает меня от размышлений

– Да я не про ту травку!

И вдруг мой телефон вибрирует. Ну конечно, очередное длинное сообщение – от кого бы вы думали? – от «отца Терезы».

«Привет, Тай. Мы, скорее всего, не увидимся до начала матча, поэтому я просто хотел пожелать тебе удачи. Я знаю, как сегодняшняя игра для тебя важна. И ты покажешь всем настоящий класс! Порадуй своего папу и забей гол, ладно? В любом случае я тобой горжусь. Отец».

– Это от девушки? – очень хочет знать Диллон.

– Ага, – встаю я с места, схватив поднос с остатками ланча. – И хорошенькой. Кстати, она спрашивает про тебя.

Дилл быстро подхватывает свой рюкзак и догоняет меня.

– Врешь или правда? – спрашивает он с надеждой.

– Нет, Дилл.

– Тогда от кого?

– Всего лишь от папы.

Да. Всего лишь от моего папы. От моего такого внимательного, заботливого, всегда готового прийти на помощь папы, который всего лишь продолжает быть идеальным самим собой.

Уточняю – я не хочу показаться неблагодарным. Да, такого отца хотел бы иметь каждый. Диллон, например, своего отца вообще не знает.

Но в то же время Диллону повезло: его ни с кем не сравнивают. От него ничего не ждут. И никто не требует, чтобы он оправдал ожидания. Никто не оценивает все его поступки по «шкале идеальности».

Глава 3

Хэлли

Говорят, нужно уметь отвлекаться от суеты и любоваться красотой окружающего мира – допустим, цветами. Для меня это проще некуда: вся моя жизнь состоит из этих самых цветов. Каждый день я только и занимаюсь, что покупаю, обрезаю их, составляю из них букеты и продаю. Спросите себя: разве есть в мире место, которое пахнет лучше? Думаю, вряд ли. Разве что, наверное, прачечная. Вот только прачечную нельзя открыть просто так, в отличие от магазина цветов.

Я делаю глубокий вдох и вбираю в себя аромат. И вдруг соображаю, что мне надо спешить. Сегодня пятница, а значит, пора прикрывать лавочку – мой цветочный салон «Бархатные лепестки» должен закрыться к половине шестого, чтобы я успела доставить букеты по адресам и не опоздать на матч: Тай сегодня играет со своей школьной футбольной командой.

Я мысленно пробегаюсь по списку неотложных дел, составляемому на каждую пятницу.

Выключить неоновую вывеску – галочка.

Выбросить отрезанные стебли в мусорный бак на улице – галочка.

Отправить факс поставщику по поводу следующей недели – галочка.

Закрыть кассовый аппарат – галочка.

Поблагодарить Господа за моего прекрасного мужа, который взял на себя очередной взнос по кредиту на развитие малого бизнеса, вместо того чтобы купить себе новую машину, – галочка, галочка и галочка. Как же я его люблю!

Впрочем, неоновую вывеску я выключила уже четверть часа назад. Чтобы никакие «потенциальные» покупатели меня не сбивали с программы. Если бы не одна из моих постоянных клиенток, пожилая женщина по имени Мэри Лу, которая каждую неделю покупает одну гвоздику, я бы сделала это еще раньше. К сожалению, клиенты, заказывающие цветы по телефону, вывеску все равно не видят. Так что естественно, что без двух минут в половине шестого я собралась уходить. И тут звонит телефон.

И еще раз звонит.

И еще.

А через минуту я совершаю чудовищную ошибку – снимаю трубку.

– Салон «Бархатные лепестки», – радушно представляюсь я. – Меня зовут Хэлли. Чем могу вам помочь?

– Вы еще работаете? – уныло спрашивает кто-то на другом конце провода.

– Теоретически да, но закрываемся через минуту.

Повисает пауза – и собеседник отвечает потерянным голосом:

– Ясно.

Я в нетерпении поглядываю на часы. В такое время мне бы не следовало совать нос в чужие дела, но я ничего не могу поделать с собой.

– Вы чем-то расстроены...

Не буду скрывать, люблю, когда клиенты рассказывают мне о своей жизни. Иногда я в ответ хохочу, иногда это трогательные истории, но беседы всегда напоминают мне о важности моей работы для человечества. За три года, что открыт мой цветочный салон, я успела понаслушаться всякого – от «Мне нужно семьдесят роз, таких же прекрасных, как моя женушка, ей сегодня исполняется семьдесят» до «Если в ближайшие полчаса вы не доставите мне хотя бы какой-то букет, боюсь, мне придется самому подать на развод». Каждый день я прихожу на работу лишь потому, что мои цветы могут кому-то сказать, как его любят и ценят.

– Да нет... Ничего... Если уж вы закрылись, то и закрылись, – слышу я в трубке.

Я бы с радостью позволила этому человеку на том и завершить разговор, но что-то в его голосе говорит мне, что ему действительно нужна моя скорая цветочная помощь.

– Так... погодите секундочку, – тяну я. – Да, мы практически закрылись, но рабочий день – что лосины: при желании его можно чуть-чуть удлинить.

Невидимый мужчина оживает:

– Ах так... Спасибо, мэм. Тогда скажите, есть у вас белые каллы? Во всех других магазинах кончились. А моя дочь Лилли их очень любит. Она... в общем, последние несколько недель она пролежала в больнице, а теперь доктор сказал, что больше ничего сделать не может.

Долгая пауза. Слишком хорошо мне знакомая: жуткая пауза-крик, когда человек пытается взять себя в руки.

Мужчина продолжил:

– Они посоветовали ей вернуться домой... К близким... Чтобы они были рядом, когда Лилли...

Бывают моменты, когда мне хочется врезать самой себе по своему любопытному носу. И сейчас как раз этот момент.

Но... Знаете, иногда людям просто необходимо выговориться. Так что, может быть, мое любопытство им как раз на руку. Бывает, что в одиночку не справиться... Но ведь в жизни каждого случается и хорошее, и плохое. Закон жизни. И каждый раз, снимая трубку, я знаю, что сейчас мне могут рассказать не о страстной и вечной любви, а о болезни или даже о смерти. Слушать об этом не так приятно, но никуда не денешься.

– Сколько ей лет? – спрашиваю я деликатным тоном.

– Десять, – отвечает мужчина в трубке.

Мне хочется разрыдаться. Нэйтан прав, я слишком чувствительна.

– Сколько вам нужно цветов? У меня еще несколько заказов, так что через полчаса я буду у вас. Разве что попаду в пробку, тогда задержусь.

Подумав мгновение, мужчина решает – одиннадцать! Я его понимаю: вдруг сработает магия чисел и дочь проживет еще год...

Я запираю дверь магазина и начинаю колдовать над букетом: свежие белые каллы с мазками лиловой лаванды... Конечно, за лаванду он не заплатит, но и плевать... букет вышел что надо, девочке должен понравиться. Я отвожу руку с букетом в сторону и люблюсь. Здорово! Подношу к лицу цветочное облако и вдыхаю его аромат.

Снова звонит телефон.

Уверенная, что это отец Лилли, я поднимаю трубку.

И понимаю, что голос в ней мне не знаком. Помедлив секунду, спрашиваю: «Кто это?», чтобы убедиться, не ошиблась ли я.

– Мэм, это Рэй Линн Харпер из полиции. Я говорю с Холли Стин?

– Хэлли, – не понимая, о чем, собственно, речь, автоматически поправляю я.

– Ой, прошу прощения, мисс Хэлли.

– Вы не могли бы позвонить в другой раз? Вы ведь по поводу пожертвований? Мой муж уже внес взнос за этот год. А я сейчас тороплюсь...

– Нет, мэм, я... не по поводу пожертвований, – мягко говорит незнакомка, и что-то в ее голосе включает во мне чувство тревоги. Пауза затягивается. Тревога во мне стремительно нарастает и почти достигает пика:

– Я звоню по поводу вашего мужа, мэм. – Снова пауза. А я почти теряю сознание. – Дело в том, что сегодня на шоссе произошла авария.

У вас когда-нибудь было ощущение, что ваше сердце остановилось?

– И? – сиплю я.

– И... ну, я еще не знаю деталей... Однако боюсь... ваш супруг пострадал. Вы должны приехать в больницу, как только освободитесь.

Я не слышала ни звука бьющегося стекла, ни плеска воды. Но, взглянув себе под ноги, я увидела лужу белых калл с мазками лаванды.

– С ним... все в порядке? – Голос у меня становится деревянный.

Она не отвечает. Ну что же она не отвечает?!!

Наконец женщина медленно цедит слова:

– Мэм, мне действительно жаль, но... Боюсь, что ваш муж погиб. Мне нелегко это вам сообщать, простите... В больнице вас будет ждать наш офицер. Нам нужно обсудить с вами некоторые детали...

Рэй Линн Харпер продолжает что-то мне говорить, но слова сливаются в сплошной поток звуков, смысла которых я не понимаю. У меня все плывет перед глазами, мысли путаются.

Нэйтана больше нет? Он погиб?

Я падаю на пол.

Не могу вспомнить, как я добралась до машины или как ехала. Почему я еду в больницу? Я должна сейчас взять букет белых калл одной девочке. Кто-то что-то напутал?..

– Вы можете подтвердить, что этот мужчина – Нэйтан Стин? – спрашивает меня судебно-медицинский эксперт в больнице.

Я не могу отвести взгляда от лица своего мужа. Его руки, ноги и тело все искалечены, но лицо выглядит так, словно он спит. Конечно, это мой муж. А кто же еще? Но зачем они меня сюда притащили? Это же его машина попала в аварию? Разве нельзя было пробить номера по базе или заглянуть в водительские права?

Я еле заметно киваю.

– Да, – через секунду говорю я, и слезы сдавливают мне горло. – Это он.

Они увозят Нэйтана, а миловидная женщина – социальный работник – протягивает мне какие-то бумаги. И объясняет, что подтвердить личность погибшего нужно еще и для того, чтобы можно было закрыть дело.

Закрыть дело?

Как так – закрыть дело? Что они такое говорят? Они только что увезли на каталке в морг Нэйтана Стина! Моего мужа и моего лучшего друга! Замечательного человека. И остается теперь всего ничего – вот так просто: закрыть дело?

– Миссис Стин, – говорит социальный работник, когда я подписываю последний документ, – я знаю, сегодняшний день был для вас слишком трудным. Вы уверены, что сможете добраться домой самостоятельно? Или, может быть, мне вызвать машину?

– Спасибо, – мертвыми губами говорю я. – Думаю, справлюсь сама.

Глава 4

Элис

Одно время я притворялась, что тащусь от футбола. Нет, может, конечно, мне и приятно было смотреть, как Тай забивает свои замысловатые голы, а все неистово ему аплодируют, а уж мама с папой вообще приходят в немой восторг, созерцая удачный тачдаун, или еще какой-нибудь финт в исполнении сына, или то, как он лихо перехватывает мяч у противника, но в целом матч утомлял меня. Думаю, это касается спорта в целом – он не стимулирует мое серое вещество. И ходят смотреть игру люди совсем другие, чем мне бы нравились: мне с ними неинтересно, они каждый раз вдохновенно орут на трибунах.

Раньше я не пропускала ни одного матча. Но с недавних пор вечер пятницы – время для моего «я». Я. Одна. Наедине с собой. Дома. Можно читать, смотреть телевизор и заниматься тем, что взбредет в голову. В прошлую пятницу я в четвертый раз перечитывала «Энн из Зелёных Мезонинов»[2 - Первый и один из самых известных романов канадской писательницы Люси Мод Монтгомери, опубликованный в 1908 году в Канаде. Роман неоднократно экранизировали (прим. ред.).]. А в позапрошлую – выучила первые восемьдесят два элемента периодической таблицы, в том числе и лантаноиды. А в позапозапрошлую – стащила мамин лифчик и долго прикидывала, через сколько лет смогу носить вещь такого размера.

Хотя если бы не все эти отпетые пакостники, я так и ходила бы с родителями каждую неделю на матч. Последняя игра, на которой я побывала, состоялась в конце августа – с нее начинался новый сезон. Когда команда нашей школы разгромила противника, я не уехала с родителями, а какое-то время ждала Тая

на стадионе: хотела, чтобы меня кто-нибудь засек со звездой команды, – может быть, хоть это изменило бы их ко мне отношение?

Только я жестоко ошибалась.

Пока я ждала, когда Тай переоденется, меня заметила Эшли и подслала свою подружку Бриджит, одну из тех тупоумных блондинок, с копной волос на башке. Та незаметно подкралась и сунула мне в капюшон гадкую склизкую мерзость – хот-дог с горчицей, кетчупом и острой приправой. Но куда более мерзким было другое. Я обернулась, поняв, что что-то не так, а Тай – совсем недалеко от меня! Он все прекрасно заметил и не реагировал! Прошел мимо, не сбавляя темпа, и, поравнявшись со мной, пробормотал: «Не хотел бы я быть на твоём месте».

«Не хотел бы я быть на твоём месте»? Да я и сама не больно хотела!

Пятна кетчупа и горчицы отстирались, конечно. А мое чувство собственного достоинства так и осталось запятнанным. Как и мнение о братце Тае. Причем упал он в моих глазах ниже плинтуса.

Так что я уж лучше посмотрю какую-нибудь познавательную передачу про древних майя на историческом канале, чем буду любоваться, как мой придурок братец принимает поздравления от толпы озверевших фанатов. Голос за кадром как раз объяснял, почему племена, населявшие южную часть Мексики и всю Центральную Америку, приносили человеческие жертвы, когда я услышала, что к дому подкатила машина. И когда мама вошла ко мне, я продолжала смотреть на экран. Но вернулась она домой намного раньше обычного – не настолько уж я увлечена разглядыванием жутковатого вида алтаря для жертвоприношений, показанного крупным планом на телеэкране, чтобы этого не заметить. Не смотря в ее сторону, я спрашиваю, почему она не на матче.

– Элис, – как-то глухо говорит мама, – нам нужно поговорить.

– Можно попозже? Они как раз сейчас будут показывать, как у женщин вырезали сердце! – с неохотой отвечаю я.

– Рассказать тебе, что они при этом испытывали? – совершенно загробным голосом бормочет она.

Звучит очень странно. Я поднимаю глаза. Мамино лицо все перекошено, и ее душат слезы.

– Мамуля? Что с тобой? – дрогнувшим голосом спрашиваю я.

Та молча падает на подушки рядом со мной и обнимает меня.

Меня начинает трясти. Я не понимаю, дрожу ли сама или это потому, что дрожит мама, но меня всю трясет. Я вдруг чувствую жуткое беспокойство. Вечер пятницы не должен заканчиваться вот так.

Что происходит? Мама никогда не пропускает матчи, когда Тай играет. И я никогда не видела, чтобы она плакала по пустякам. И уж если она падает на диван и цепляется за меня, как за спасательный круг, то что-то точно случилось.

– Элис, милая... У нас все очень плохо, – всхлипывает мама.

Я делаю глубокий вдох. Наверное, речь идет о ее отце, моем дедушке, который живет в Огайо. В последние пару лет его здоровье ухудшилось. Я готовлюсь услышать, что он скончался. Вот только начинает мама предложение почему-то со слов «Твой папа...».

Меня тут же перестает трясти – тело вытягивается и становится твердым, как струнка. Так речь не о дедушке Джайлсе?

– Папа? – формулирую я по буквам. – Что с папой?

– Эл, – продолжает мама, руками размазывая ручьи слез, стекающих по щекам. – Сегодня он попал в аварию на машине. И погиб. Я не буду врать или смягчать факты. Твой отец умер.

Мне хочется закричать, ударить кого-нибудь со всего маху, но мама так крепко держит меня, что я не могу шевельнуться. Я просто реву вместе с ней, пока не понимаю: плакать больше нечем, слезы кончились...

Интересно, можно ли ослепнуть, если пару раз посмотреть на стадионные прожектора? Я сейчас иду по самому гигантскому школьному стадиону в Техасе... Наверное, здешние прожектора запросто могут ослепить? Даже если на пару минут потеряю зрение, этого хватит, чтобы мы проиграли...

Таковы мои мысли. Я иду по полю и изучаю варианты, как можно спасти наше положение. Как бы мне хотелось, чтобы яркий луч прожекторов хоть на несколько мгновений ослепил полузащитника команды противника. Он ведь достаточно тупой, чтобы на него посмотреть?

В газетах пишут, что главный козырь футбольной команды школы Мескита – это я, но сам я совсем не уверен в этом. В каждой игре очень достойно выглядит вся команда. А я всего лишь капитан и главный нападающий, что делает меня легкой мишенью для журналистов: когда мы выигрываем, они превозносят меня до небес, а когда проигрываем – смешивают с грязью.

Сегодня явно предстоит последнее. Грязевые ванны от местной прессы. Мы играем на своем поле против «Норс Мескит», нашего главного соперника. И бессовестно проигрываем. Поэтому сейчас я бы использовал любое, даже не самое честное, средство, чтобы изменить ситуацию. Не ради себя, скорее, ради команды. И фанатов, которые сегодня пришли на матч, надеясь увидеть, как я буду блистать. И ради папы. Конечно, он написал в эсэмэс, что в любом случае мной гордится, но я знаю, как его глаза загораются каждый раз, когда я забиваю гол.

Я бросаю быстрый взгляд на места, где чаще всего сидят папа с мамой. Обычно я сразу различаю отца в толпе, но сегодня никак не могу разглядеть его лицо среди десятков других.

Через минуту начнется четвертая четверть матча. Только что мы отставали на три очка, но благодаря слаженным действиям зарабатываем еще четырнадцать, мяч оказывается в штрафной зоне, и мы переходим к финальному тачдауну.

– Победа наша! – кричу я своим, когда мы устраиваем совещание на поле. – Мы их сделали! Сейчас запутаем их маневрами! Их защитники в основном на центральном фланге, так что, ресиверы, двиньте прямо на них – как будто пытаетесь прорваться к воротам, а потом рассредоточьтесь по углам. И тут я! Остальные действуют по обычной схеме, в третьей четверти можете взять налево.

Я останавливаюсь и внимательно смотрю на линейных игроков, надеясь, что они осознают, насколько сильно от них зависит успех нашего плана.

– Держите защиту ровно столько, чтобы я успел перехватить пас – тогда мы заработаем шесть очков. Просекли?

Диллон – третий крайний от центра в линии нападения – явно собирается что-то сказать. Обычно я не в восторге от болтовни, когда мы обсуждаем тактику, но Дилл – помощник капитана, и ему можно. И все-таки я в глубине души жду, что он скажет что-нибудь более вдохновляющее, чем в прошлый раз – тогда его хватило только на «Будьте мужиками – на нас же девчонки смотрят!».

– Ммм... чувак, – цедит он, – а чего это твоя мать разговаривает с Роулинзом?

Я вместе с ним задираю голову и умоляю Господа, чтобы Диллону показалось. Но мама и правда на трибуне, и без плаща, а сыпет мелкий противный дождь, и она правда разговаривает с главным тренером. И это в такой важный момент моей футбольной карьеры! Почему нельзя было выяснить с ним отношения на прошлой игре?

Присутствие матери явно выбивает меня из колеи, и я набрасываюсь на Диллона, хотя он-то здесь ни при чем...

– Да кто ж ее знает? – говорю я вслух. – Может, жалуется на жестокое обращение команды противника.

И прежде чем кто-то из линейных игроков успевает открыть рот, я снова поворачиваюсь к ним и что есть силы ору:

– Держите оборону, мать вашу! Давайте надерем им задницу, а?!

Наше сборище дружно улюлюкает и рассасывается, все занимают свои позиции, обозначив место в борьбе за мяч. Меня не оставляют мысли о маме и тренере, но я помню, какие наставления давал мне отец, когда я подавал заявление в лигу: «Твоя сила – не в руках, а в голове. Внимательно следи за происходящим на поле, и ты победишь. А вот если не будешь сосредоточен, пиши пропало!»

Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться, и даю команде сигнал к началу действий.

Мяч в моих руках возвращает меня к действительности и усиливает внимание. Я поворачиваюсь и в тысячный раз делаю вид, будто собираюсь дать пас левому полузащитнику, а потом внезапно отступаю на три шага назад и ищу глазами принимающего, которому мог бы передать мяч. Но вижу лишь, как полузащитник команды противника, словно огромный бронетранспортер, несется в мою сторону.

Что за?..

Я инстинктивно сворачиваю вправо, приближаясь к открытому участку возле трибун, откуда смогу дать нормальный пас или хотя бы определить правильное расстояние.

И тут опять вижу маму.

Только вот она уже не просто разговаривает с тренером, она его обнимает. Прямо на глазах у всего стадиона.

Ну и дела!

Ошарашенный этим зрелищем, я на какое-то неуловимое мгновение замедляю бег, и этого оказывается достаточно, чтобы произошла катастрофа.

Я чувствую невероятной силы удар, сбивающий меня с ног. Оказывается, я не заметил опекавшего меня крайнего правого защитника, хотя и уверен, что увернулся бы, не отвлекись я на маму. Грохаясь со всеми этими защитными накладками на газон, я все еще не могу отвязаться от мысли, что такое происходит с моими родителями. Почему, вместо того чтобы смотреть матч,

мама обнимается с тренером? И где, черт побери, отец? Чушь какая-то!

И как раз перед тем, как я впахиваюсь в лужайку, мяч выскальзывает у меня из рук – теперь исход матча решен. В следующую секунду защитник команды противника, к тому моменту уже оказавшийся на моей линии нападения, перехватывает мяч и отбегает на восемьдесят два ярда в противоположном направлении. Тачдаун – и вот мы окончательно продули.

Защитники понуро бредут к трибунам. Я не шевелюсь. Не то чтобы я не мог, да только не хочется. Я просто лежу на спине и не в силах подняться с газона. Не хочу видеть горькие физиономии товарищей по команде – они-то рассчитывали, что я обеспечу победу. И уж тем более не хочу видеть толпу. Ее бодрящее улюлюканье сменилось мрачной тишиной. Но больше всего я не хочу видеть, как мама обнимает тренера Роулинза.

Наконец ко мне подгребает Диллон. Я получаю такой силы затрещину, что вскакиваю как ошпаренный. И так он делает на каждой игре.

– Соберись. Ну, такой был удар. Тут любой сплеховал бы. Они тебя обхитрили, – говорит Диллон.

– Знаешь, что-то мне подсказывает, что пятнадцать тысяч зрителей на трибунах с тобой не согласятся. Хотя... погоди, четырнадцать тысяч девятьсот девяносто восемь. Не думаю, что мама с Роулинзом видели эту жуть, – отвечаю я.

Диллон глупо лыбится:

– Не знаю. Тренеру как будто под дых со всей дури вкатили. Кстати, поторопись – он хочет с тобой поговорить.

Глава 6

Хэлли

На улице моросит дождь, и я продрогла. Надо было надеть плащ... и взять зонт... Или вообще не приходить.

Боже, о чем я только думала?

Мне всего-то надо было дожждаться, пока Тай вернется домой после матча, и тогда сообщить ему... Но, посоветовавшись с Элис, мы решили, что нужно пойти на игру. «Папа хотел бы, чтобы кто-нибудь из нас был с Таем!» – настояла Эл. Я знала, что с ней не поспорить, и мы поехали. Но когда я припарковала машину за несколько домов до школы, Элис отказалась вылезать, сославшись на то, что якобы не хочет, чтобы ее в заплаканном виде заметили эти «уроды-семиклашки».

– Прекрасно, – сказала я. – Тогда обещай мне, что останешься в машине, пока я не вернусь. Мы с Таем будем скоро.

Как только я вижу счет на табло, я понимаю, что Элис долго ждать не придется. Осталась всего пара минут до конца четвертой четверти. Если я окажусь на трибуне, когда игра закончится, то смогу сразу забрать Тая.

Я продираюсь сквозь толпу, стараясь быть незаметной, и оказываюсь перед скамьей игроков. В эту зону зрителей не пускают, но я уверена, что никто не будет против.

Разглядеть тренера Роулинза совсем не сложно – выше всех игроков на голову, с бритой головой, он активно раздает указания.

Мой взгляд скользит в сторону поля, туда, где сейчас пробегает Тай. Он принимает мяч, отступает назад и передает пас в сторону. Трибуны ревут.

Практически тут же из громкоговорителей слышится голос: «Номер семь, Тай Стин, передает пас номеру пятьдесят шесть, Чаду Хэстингсу. Возможно, это ознаменует первое поражение команды в желтых куртках!»

Когда голос диктора затихает, кто-то рядом произносит:

– Миссис Стин?

Это голос одного из тренеров, вставшего со скамьи позади меня. Мы встречались в прошлом году, на вечеринке, где собрались все члены команды, но имя его я вспомнить не могу.

– Все в порядке? – спрашивает тренер.

Я не хочу лгать, но говорить о случившемся у меня тем более нет никакого желания, поэтому я качаю головой.

– Ну же, идите сюда! – говорит он.

Я решаю подойти к нему. Если откажусь, он станет уговаривать, а это заметят все. Нет уж.

– Простите, – продолжает тренер, когда я подхожу к его скамье, – но выглядите вы... Что случилось?

– Мне просто... нужно поговорить с сыном.

Тренер бросает взгляд на поле и смотрит на табло со счетом.

– Сейчас, мягко говоря, не лучший момент. Но пойдете.

Он проводит меня сквозь толпу игроков. Они все насквозь мокрые – пот и дождь стекают с них градом. Мы подходим к главному тренеру Роулинзу, и второй тренер говорит:

– Оставайтесь тут, мэм. Как только игра закончится, тренер Роулинз к вам подойдет.

Услышав свое имя, исполин Роулинз смотрит на нас. Сначала он меня не узнает, но через несколько секунд понимает, что мое лицо ему знакомо.

– Вы ведь супруга Нэйтана? Тай – ваш сын? – спрашивает Роулинз.

– Меня зовут Хэлли, – отвечаю я, кивая. Не удивительно, что он не помнит мое имя, – мы встречались всего пару раз. Роулинз оглядывает меня:

– Да, точно, Хэлли. А я Рэнди.

Он отвлекается на поле – Тай дает пас замыкающему нападению, а тот продвигается дальше. Затем игроки команды Тая собираются в круг, и тренер снова поворачивается ко мне.

– Хэлли... Не могу не заметить – у вас макияж размазался. Все в порядке?

Я отрицательно кручу головой, так, как только что делала в ответ на такой же вопрос второго тренера.

– Боюсь, что нет, – всхлипываю я.

Изо всех сил стараюсь сдерживать слезы, но, похоже, мой организм сильнее меня. Роулинз хмурится. Видимо, мой ответ его совсем не устроил. Поэтому я спрашиваю:

– Вы, кажется, были знакомы с Нэйтаном?

– Да, еще со школы, – честно отвечает тренер.

– Вы дружили? – задаю я новый вопрос.

Роулинз кивает:

– Что-то вроде того. Не очень долго.

– Если можно, я хотела бы поговорить с сыном, как только игра закончится. Мне нужно... к нему.

Тренер не скрывает своего недовольствия:

– Что происходит, миссис Стин? Конечно, момент не самый подходящий, но если что-нибудь не так, скажите мне, и я постараюсь помочь.

Когда я это слышу, мне приходит в голову мысль, что, когда я сообщу обо всем Таю, присутствие тренера ему не помешает.

– Ну... – я решаю рискнуть, – дело в том, что...

Трибуны ревут, но ни я, ни тренер не обращаем на них внимания.

– В общем... Произошла авария. Я не хочу вас обременять... Но, может быть, вы сможете помочь Таю справиться... Вы ведь для него пример для подражания... – Я шмыгаю носом.

– Нэйтан что... умер? – медленно роняет Роулинз.

– Да... – Слезы снова душат меня. – Сегодня. Совершенно неожиданно...

Я запинаюсь. Больше просто не могу говорить.

На мгновение лицо Рэнди принимает такое странное выражение, что я не могу прочесть его мысли. Губы его дрожат. Он расставляет руки, и я внезапно оказываюсь в его объятиях. Не знаю, сколько я там пробыла – полминуты? Минуту? Раздается сообщение об окончании матча. Я поднимаю глаза. Команда Тая проиграла, их соперник ликует – тачдаун в зоне защиты.

Наконец Рэнди меня отпускает и кричит Диллону, чтобы тот привел Тая. А тот лежит на газоне неподалеку от нас.

Даже несмотря на то, что на моем сыне форма, по тому, как он идет, я понимаю: он о чем-то таком догадывается. Как только Тай подходит к нам, Рэнди, приобняв его за плечо, бормочет: «Ты молодец – очень хорошо играл».

– Что происходит? – спрашивает Тай тренера, кивнув в мою сторону.

Роулинз предлагает найти место посуше, чтобы мы могли нормально поговорить. Он ведет нас в небольшое помещение под трибунами, где хранится спортивный

инвентарь. Диллон видит, что мы уходим, но сомневается, идти ли ему следом, и тогда я подаю ему знак рукой. Не только ради Тая. Просто Нэйтан почти заменил Диллону отца, и я должна сообщить и ему тоже.

Когда в кладовке загорается лампочка, Тай наконец снимает шлем. Большинство знакомых говорят, что он больше похож на меня, чем на Нэйтана, но в данный момент я замечаю его невероятное сходство с отцом. У меня сердце разрывается оттого, что Тай смотрит на меня в ожидании. В ожидании тех слов, от которых разобьется его сердце.

– И? – произносит Тай. – Кто-нибудь скажет мне, в чем дело?

Я смотрю на него, и вдруг перед глазами все начинает расплываться – это наворачиваются слезы. Я смахиваю их с ресниц, подхожу к сыну и обнимаю его. Обнять моего Тая намного легче, чем огромного Рэнди Роулинза.

– Мам, – бормочет Тай, обнимая меня, – просто скажи. Что бы там ни было, я хочу слышать.

Я прижимаюсь к нему еще крепче и шепчу – точнее, рыдаю – ему на ухо:

– Случилась авария, Тай. Он погиб.

Резким движением сын отстраняется, чтобы видеть мои глаза.

– Кто... погиб?

Я больше не могу ничего произнести, только стою, смотрю на него и реву. Через пару мгновений до него доходит смысл сказанного. Его глаза наполняются слезами, губы начинают дрожать. Тай понял, о ком я.

– Нет! Как?

Я не успеваю ответить – Диллон спрашивает:

– А что, кто-то умер?

– Сегодня отец Тая попал в аварию. Он погиб, – тихо отвечает Рэнди.

Диллон всхлипывает и обхватывает руками нас с Таем. Тренер обнимает нас всех.

Пока я стою в маленьком подсобном помещении, еле освещенном светом единственной лампочки, в объятиях сына, его друга и мужчины, которого я практически не знаю, в моей голове прокручиваются события сегодняшнего дня. Нет, этот день не должен был закончиться так. Мы с Нэйтаном должны были встретиться перед игрой. Мы бы съели по хот-догу и выпили по бутылочке содовой, пока наш сын играет в футбол, – он ведь так это любит. Его команда выиграла бы, и после матча мы бы отправились куда-нибудь это отметить. Нэйтан рассмешил бы меня парочкой забавных историй, а я ему бы поведала, как трепетно выбирала каллы для Лилли. А он рассказал бы мне, что хорошего сделал за этот день и сколько камешков переложил из кармана в карман. Потом мы бы вернулись домой, провели время с детьми, и он бы поцеловал меня на ночь.

И все в мире было бы так, как положено.

Но все не так. И, боюсь, ничто уже никогда не исправится.

Глава 7

Мэделин

От стука в дверь я подпрыгиваю в кресле. Сажусь прямо и натягиваю улыбку, надеясь, что тот, кто сейчас войдет, поверит в мою игру.

Моя улыбка совершенно не выглядит натурально. Мне даже... как-то неловко, что я улыбаюсь.

Я знаю – не нужно было писать то письмо Нэйтану. Но я написала, и мне необходимо знать его ответ. Очень сложно планировать поездку на двоих, когда не уверен, поедете ли вы оба.

Дверь открывается, и в проеме оказывается девушка с темными волосами, уложенными в причёску «боб»:

– Профессор Цукерман?

– Да, – холодно отвечаю я. – Чем могу быть полезна?

– Здравствуйте. Меня зовут Эми, я новый администратор. Я решила принести почту сама, чтобы со всеми познакомиться, – лопочет брюнетка.

Она пересекает помещение, протягивает мне стопку журналов, на которые я зачем-то подписалась от университета, и говорит:

– Если вам что-нибудь понадобится, просто позвоните. Я сижу на том же месте, где сидела Синди. Номер тот же, ну и все прочее.

– Спасибо, Эми. Все поняла. Приятно с вами познакомиться, – вежливо отвечаю я.

Как часто меняется мелкий административный персонал! Калейдоскоп какой-то! Но я привыкла. В большинстве своем на такую работу устраиваются старшекурсники, которые хотят наладить деловые контакты в той области, в которой пишут диплом. В результате обе стороны в выигрыше: студенты получают небольшой оклад и необходимый опыт, а мы узнаём их получше, чтобы потом предложить программы для молодых специалистов.

Как только за Эми захлопывается дверь, я снова устремляю взгляд на свой рабочий телефон. Я и так уже слишком много времени убила в раздумьях, стоит ли ему позвонить. «Прекрати это ребячество!» – говорю я себе и набираю номер его мобильного.

Он не отвечает, и включается голосовая почта. Я дожидаюсь гудка и выпаливаю:

– Привет, Нэйтан. Это Мэдди, я по поводу моего предложения. Обещаю, если ты съездишь со мной на неделю в Калифорнию, с тайнами будет покончено. Разве ты не этого хочешь? Это очень важно, поэтому перезвони мне, пожалуйста. Я позвоню тебе на работу. Люблю.

Нэйтан предупреждал меня, что будет лучше, если я не стану звонить ему на работу – и уж тем более домой, – но я правда должна с ним поговорить. Вот уже три дня прошло с тех пор, как я отправила ему письмо, и мне необходимо знать ответ.

Я делаю быстрый вдох и набираю другой номер.

Долгие гудки, потом женский голос:

– Здравствуйте. Вы позвонили в «Уитейкер, Стин и Брэннерман». Чем могу помочь?

– Я хотела бы поговорить с мистером Стином, – нетерпеливо говорю я.

Повисает пауза. Слишком длинная какая-то пауза. Затем женщина отвечает:

– Боюсь, это невозможно.

– Он, наверное, сегодня не работает, да? – Я не скрываю разочарования.

– А вы... его клиентка? – Голос женщины слегка дрожит. Сказать, что я клиентка? Вот уж нет, еще станет копаться в бумагах и искать мою фамилию...

– Нет, просто подруга, – говорю я тихо.

Наверное, я очень сильно преуменьшаю действительность, но в каком-то смысле это правда.

– Ну... – продолжает женщина нерешительно, – на меня возложили печальную обязанность сообщать всем, кто хочет связаться с мистером Стином, что он... В общем, он умер.

Она только что сказала то, о чем я подумала?

– Вы... серьезно? – Я ошарашена.

– Да, мэм. Ужасно. Мы тяжело переживаем эту потерю, – говорит женщина и прерывается, словно ждет, что теперь я что-то скажу. Но я просто не знаю, что сказать, и поэтому она продолжает:

– Вы говорите, что мистер Стин ваш друг. Но если так случилось, что он помогал вам с каким-либо делом, его партнеры будут рады закончить работу. Все деньги, которые они заработают на делах мистера Стина, будут выплачены его семье.

– Вы точно меня не разыгрываете? – спрашиваю я в совершеннейшем отупении.

– Нет, мэм. Думаю, за подобные розыгрыши меня бы давно уволили. – По голосу слышно, что моя невидимая собеседница грустно улыбается.

То есть Нэйтан... погиб? На меня накатывает тошнота.

– Могу ли я еще чем-нибудь вам помочь? – спрашивает секретарь.

– Нет, – шепотом отвечаю я, – спасибо большое.

Вешаю трубку и несколько минут буравлю взглядом стену, пытаюсь переварить то, что мне сказали.

– Что ж, – бормочу, – полагаю, вопрос решен. Нэйтан не полетит со мной в Калифорнию...

Волна чувств с головой накрывает меня...

Глава 8

Тай

Ничто не вечно в этом мире.

Эти слова я впервые услышал от своего отца, когда мне было шесть лет. Тогда умерла моя аквариумная рыбка по имени Клоун. Но одно дело, когда у маленького мальчика умирает его питомец-гуппи за десять центов. И совсем другое – когда взрослый сын теряет замечательного отца, погибшего в расцвете сил. После папиной смерти могу сказать: эту фразу я ненавижу. Потому что все еще помню ее. Ненавижу, потому что оборвавшаяся так внезапно жизнь моего отца подтверждает ее истинность.

За последние пару дней с момента аварии у меня сложилось впечатление, что вся наша семья умерла вместе с папой. Мне кажется, мы угодили в ад, – я больше не в силах был слышать мамины рыдания. Дом опустел, а мы впали в ступор.

К нам приходят люди, говорят, каким прекрасным человеком был наш отец, пытаются нас утешить – дескать, он прожил жизнь с достоинством и помог стольким страждущим, что имя его никогда не будет забыто. И они, как мне кажется, правы. Но в то же время от осознания того, какую жизнь он прожил, и того, каким прекрасным человеком он был, нам всем только больнее.

Утро в понедельник начинается со звонка из больницы: нас просят забрать личные вещи отца.

– Да не нужна мне его одежда! – слышу я мамин крик в телефонную трубку. – А разве у него было что-то еще? Приготовьте камни из его карманов и бумажник. Остальное можете выкинуть.

Мамино эмоциональное состояние, кажется, с каждым днем становится хуже. Вести машину она не может, и я вызываюсь отвезти их с Элис в больницу. Как я и думал, с папиными камнями она обращается так, словно это бриллианты в тысячу каратов. Закрывает глаза и сжимает их в кулаке, но чувствует камни скорее душой, чем пальцами. А потом съеживается, начинает всхлипывать, затем плакать и снова рыдать – все эти метаморфозы происходят с ней в течение нескольких секунд. Два медбрата рядом делают вид, что не замечают ее истерического припадка. Мы с Элис обнимаем ее за плечи.

Как только она чуть-чуть успокаивается, сразу же говорит, что нужно принести цветы тому, кому папа пытался помочь на шоссе. Сейчас этот человек в реанимации и ждет пересадку сердца. Нам сказали, что его зовут Хесус

Рамирес.

Надо же. Папа практически помог Иисусу[3 - Игра слов – Jesus на испанском и на английском языках имеет одинаковое написание.].

Когда мы заходим в палату, вся семья Рамиреса встречает нас у его койки. Я почти никого не запомнил по именам из этих восьми человек. Среди них и мальчик, который был в машине, когда с папой случилось несчастье. Жена Хесуса, Мария, единственная из всех более-менее сносно говорит по-английски, поэтому берет на себя обязанности парламентаря.

– Мой муж быть грустным, что ваш муж погибнуть, – говорит она. И кивком указывает в сторону сидящих у койки ее мужа родственников: – Мы все быть очень грустными.

Мама тоже кивает и изображает улыбку. Затем протягивает свой фирменный букет со словами:

– Передайте мужу – пусть его сердце побыстрее пройдет.

Мария переводит Хесусу слова мамы, а потом отвечает:

– Мой муж говорить, что он надеяться, что боль в ваше сердце тоже быстро пройдет.

Она проводит кистью руки по груди, как бы показывая, что имеет в виду.

И тут Элис, которая с самого вечера в пятницу не сказала почти ни слова, вдруг начинает расспрашивать Марию об аварии. Я рад, что у нее хватило смелости: те сводки, которые предоставили сотрудники больницы, язык не поворачивается назвать исчерпывающими.

С минуту-две Мария и Хесус что-то бурно обсуждают на испанском, затем Мария снова оборачивается к нам:

– Хорошо, я говорить. Мой муж и мой сын Пауль – он быть восемь лет. Они ехали, и у Хесуса вдруг болеть сердце. Он сказать, болеть так сильно, что он бояться,

как бы не попасть в аварию. Они останавливаться и ждать, что сердце пройдет. Но боль все сильнее, и Хесус не имеет сил ехать. Опасность. Мой муж боится умереть прямо там, в машине. Но тут мистер Нэйтан, он ехать за ним следом и остановиться и прийти на помощь. У Хесуса не имеет с собой телефона, но мистер Нэйтан – у него есть, и он вызывает «Скорую».

Мария делает паузу и спрашивает о чем-то своих мужа и сына по-испански. Они быстро отвечают, и она продолжает рассказывать. Только теперь намного тише и медленнее:

– Был дождь. В октябре обычно не бывает так много дождя. Когда мистер Нэйтан вызвал «Скорую», другая машина занесла на скользкой дороге. Она врезалась в наш минивэн, и мы врезались в стенку. Ваш папа... Ваш муж... Его зажали между машиной и стеной. Он не мог спрятаться.

В палате наступает гробовая тишина.

Значит, вот оно как. Папу зажали между машиной и бетонным ограждением шоссе.

Кажется, сейчас мама грохнется в обморок. Поэтому я говорю спасибо семье Рамиресов и вывожу ее из палаты прежде, чем это произойдет.

По пути домой мама почти не говорит ни слова. Впервые после моей пятничной футбольной катастрофы выражение ее лица меняется. Она больше не выглядит грустной. Скорее злой.

– Мама, ты похожа на папины камни, – говорит вдруг Элис.

– Это как же? – спрашивает мама.

Краем глаза все еще поглядывая на дорогу, я перевожу взгляд направо – на мамино лицо. На котором напряжена каждая мышца и которое постепенно краснеет. Моя сестра права: оно выглядит точно как папины камни.

– У тебя лицо каменное, – отвечает Элис. – Ты что, на кого-то злишься?

Мама оборачивается к ней, и Элис, сидящая сзади, на миг встречается с ней взглядом.

– Может быть, – отвечает мама.

– Как это – может быть? – спрашиваю я.

– Я еще не решила, – рычит она. – В конце концов, злиться тоже нужно осознанно. – С мгновение она молчит, видимо, размышляя над этим, а потом говорит: – Хорошо, я решила. Да, теперь я официально в бешенстве. Но знаю, что так не должно быть, и оттого еще больше злюсь на себя.

– Так на кого ты злишься? – спрашивает Элис и тут же деликатно предлагает варианты ответа: – На водителя, чья машина врезалась в папу?

– Нет, конечно же, – возражает мама. – Это произошло не по его вине, и было бы неправильно злиться на него из-за случившегося.

– Но и Рамирес тоже не виноват, – пытаюсь я обратить мамино внимание на обстоятельства. – Да, у него был сердечный приступ, но разве это его вина?

Мамина нижняя губа начинает предательски подрагивать. И я замечаю боковым зрением скорбные признаки, которые снова отражаются на ее лице.

– Ты прав, Тай, – бормочет она вполголоса. – Он ни в чем не виноват... Поэтому я его ни в чем и не виню.

Она пару раз шумно вздыхает, тупо уставившись в окно на проплывающий мимо пейзаж. И добавляет:

– А вот на твоего отца...

Элис раскрывает рот – она поражена тем, что только что услышала:

– На папу?

Я в не меньшем замешательстве от сказанных мамой слов:

– Как ты можешь винить папу?

На секунду в маминых глазах загорается какой-то странный огонек, но его тут же гасит очередной приступ рыданий.

– Потому что надо было думать головой! – ревет мама, и по щекам ее струятся слезы. – Он подвергает свою жизнь опасности ради совершенно незнакомых людей, не задумываясь о том, каково нам. Знаю, все скажут, что он был героем. И он был им. Но разве можно быть таким эгоистом? Ваш отец только и думал, что о том, как бы помочь людям, забывая при этом, что у него есть его собственная семья! Ведь теперь нам придется жить дальше – у вас нет больше папы, а у меня нет больше мужа. За его великодушие платить приходится нам.

Вся оставшаяся часть поездки проходит в абсолютной тишине. Не знаю, потому ли, что ни Элис, ни я не хотим беречь мамины раны, или же потому, что в чем-то насчет папы она все-таки права.

Но в каком бы жутком состоянии мама ни была в больнице или по пути домой, худшее еще впереди. После ужина в четверг, отправив нас в постель, она запирается в их с папой ванной комнате и рыдает, как нам с сестрой кажется, целую ночь. Когда она перестает рыдать, я пытаюсь проверить, все ли в порядке, и громко зову ее, но мама не отвечает. И еще раз. И снова нет ответа. Я смотрел достаточно фильмов, прочитал достаточно книг и знаю, что люди – даже такие разумные, как наша мама, – могут с собой сделать в приступе депрессии, поэтому быстро приношу отвертку и разбираю замок.

Элис торопит меня, пытаюсь вспомнить все, что надо сделать в таких случаях, сколько человеческий мозг может обходиться без кислорода и тому подобное.

Я очень боюсь, что за дверью маминной комнаты меня ждет что-то ужасное. Чувствую, как к горлу подкатывает тошнота: если я увижу, что случилось самое страшное, удержаться у меня вряд ли получится.

Когда мы вместе с Элис вваливаемся в комнату, у нас перехватывает дыхание: мама лежит прямо на полу, на банном коврике. Я подбегаю к ней и начинаю трясти что есть сил. Через мгновение она открывает глаза. Сначала не

понимает, что происходит. А потом покрывается краской стыда.

– Простите, милые мои, – нетвердым голосом сипит мама. – Кажется, я заснула...

Все ясно. Никаких передозировок таблетками или алкоголем. Просто уставшая от слез женщина, которая только что овдовела, рухнула без сил. Мы помогаем маме дойти до постели, прикрываем ее одеялом. Возвратившись к себе в комнату, я тоже начинаю плакать и, полностью обессиленный, засыпаю.

На следующее утро около половины десятого меня будит мамин призыв к «серьезному разговору». Ничего не понимая и еле отодрав голову от подушки, я плетусь на ее голос. Мама в пижаме сидит на уголке их с папой кровати – такая же измученная, как накануне, но более спокойная.

Элис тоже здесь, прижимает папину подушку к груди.

При виде меня мама начинает:

– Прошлая ночь была... неправильная. Я знаю. Вы наверняка вообразили самое ужасное – судя по разобранному замку. Простите меня. Я не хотела вас напугать. Просто... Мне было очень плохо.

– Мы в курсе, мам, – бормочу я в ответ. – Все нормально.

– Да, мамуль, все нормально, – эхом повторяет за мной Элис.

– Я просто хочу, чтобы вы знали: все равно все будет хорошо. Через подобное пройти нелегко, но мы должны. Другого выхода не существует.

Из маминых уст эти слова звучат так, будто она пытается убедить саму себя. Но она продолжает:

– Да, вашего отца больше нет. Но я-то с вами, и я никуда от вас не денусь. Так и знайте. Понятно?

Элис кивком соглашается, а меня вдруг прорвало:

– Прекрати убеждать нас, что все в порядке, – из всех нас тебе хуже всего! Я не хочу выслушивать очередную благую речь. Сейчас мне просто хочется обратно в кровать.

Но маму остановить невозможно!

– Это не очередная благая речь, Тай, – вкрадчиво возражает она. – Я хотела бы кое-что показать вам с Элис.

В уголках ее губ намечается что-то похожее на улыбку – первая позитивная реакция на окружающее за все эти дни. Она подходит к папиному рабочему столу в углу комнаты, где стоит его ноутбук.

– Во вторник звонил один из отцовых партнеров, приносил свои соболезнования... – голос ее неувовимо споткнулся, – в общем, он дал мне пароль от его компьютера, чтобы мы могли сохранить себе его личные файлы. Потом они заберут ноутбук.

Элис, отложив подушку, подходит к ней:

– Еще и недели-то не прошло, а они уже отбирают его ноутбук?

– Скажите спасибо, что нам дают доступ ко всем его файлам. Это широкий жест... – Мама вводит логин и пароль и сразу же кликает по иконке браузера.

Маму нельзя назвать компьютерным гением, но для женщины за сорок, которая никогда не работала за компьютером, она все делает на удивление правильно. Каким-то образом она смогла научиться управлять сайтом своего магазина, оплачивать счета через Интернет, и у нее даже есть свой блог с постоянно увеличивающимся числом подписчиков – она дает советы по составлению цветочных композиций. Кажется, с каждым, с кем она хоть раз говорила в реальной жизни, мама дружит теперь на Facebook. Мне даже неловко – у ее аккаунта друзей больше, чем у меня, раза в три. Так что я совершенно не удивляюсь, когда она заходит на свою страничку.

– Мне под утро приснился кошмар, – продолжает она, как только страница полностью загрузилась. – И я проснулась ни свет ни заря. Спать совсем не хотелось. И я решила покопаться в папином ноутбуке. Как-то так вышло, что первым делом я зашла на Facebook.

Странно, но я слышу в голосе мамы едва различимое воодушевление.

– Так вот. Я получила множество приглашений от тех, с кем мы даже и не знакомы, подписаться на новый паблик, который кто-то создал совсем недавно... – Мама кликает на очередную ссылку, перед нами появляется страница, и Элис первая читает название сверху – «Одно доброе дело». А ниже – папино фото. Он улыбается своей извечной лучезарной улыбкой.

Я про себя читаю колонку слева от фотографии. Эти слова написал тот, кто создал группу:

В память о Нэйтане Стине, который отдал свою жизнь, помогая людям. Без лишних слов, он охотно и самоотверженно поддерживал ближнего своего, не ожидая ничего взамен. Однажды я спросил его зачем, и он просто ответил: «Делай добро – и получишь добро в ответ». Нэйтан сделал для меня столько «добрых дел», но я знаю, что был не единственным, кому он очень помог. Этот сайт посвящен друзьям – или поклонникам – Нэйтана Стина, и здесь собраны многие его хорошие поступки. Мы любим и скучаем по тебе, Нэйтан... Покойся с миром.

На мгновение в комнате воцаряется тишина – и Элис начинает рыдать, а вслед за ней мама. Думаю, это их первые светлые слезы после случившегося.

Не вытирая слез, мама продолжает просматривать материал на странице. Хорошо, что она, судя по всему, уже не злится на папу. Надеюсь, теперь все как-то нормализуется.

Я кладу руку на мышку и листаю вниз. Паблик был создан не больше трех дней назад, а у него уже больше пятисот подписчиков и две с лишним тысячи комментариев – от историй про то, как папа делал подарки на Рождество нуждающимся, как помог другу найти новую работу, до простых вещей: как он придержал для кого-то дверь или внимательно выслушал в нужный момент.

Самый новый пост написан неким Дэвидом Бреннерманом – одним из партнеров в юридической конторе, где работал папа:

То доброе дело, которое для меня сделал Нэйтан, было буквально на прошлой неделе. Моя жена заболела, и Нэйтан привез нам поесть – чтобы моя и без того больная Тереза не страдала от моей ужасной кулинарии. Это был очень приятный сюрприз. Конечно, с голоду мы бы не умерли, но Нэйтан превратил тот вечер в нечто совершенно особенное. Самое хорошее в его порыве – он просто дал нам понять, что кому-то не все равно. Таким был Нэйтан – никогда не оставался равнодушным к чужой беде.

Я помню тот вечер – папа и нам с Элис заказал еду в китайском ресторане. Это было в четверг, как раз накануне футбольного матча. Тогда мы все вместе в последний раз перекусили.

Наш последний ужин.

Еще один пост:

Когда мы учились в колледже, Н.С. даже прогулял контрольную, чтобы побыть со мной. Дело в том, что мои родители решили развестись и я была в потрясении. Конечно, Нэйтан сделал для меня гораздо больше хорошего, но этот его поступок я никогда не забуду.

Один из папиных клиентов пишет:

У мистера Стинга были строгие моральные нормы, что очень важно для адвоката защиты. Он был не только человеком честным и кристально чистым, но и невероятно отзывчивым. Он защищал меня даже несмотря на то, что у меня не было средств для оплаты его услуг. Он действительно взялся за мое дело, зная, что я не смогу ему заплатить, пока с меня не снимут обвинение. А теперь скажите, кто еще на такое способен??? Только Нэйтан Стинг. Боже, храни Нэйтана.

Намного ниже я вижу пост, написанный, судя по всему, женщиной, которая знала отца еще ребенком:

Я могла бы рассказать о сотнях и тысячах добрых дел, которые Нэйтан сделал для меня за всю мою жизнь. Перечислю только некоторые из них. Вам они могут показаться вполне обычными, а для меня эти его поступки были ОЧЕНЬ важны. В день, когда мы впервые познакомились, он извинился. В тот же день он нежно взял меня за руку. Мы сидели рядом. Он посвятил мне стихотворение. Он верил в меня. Он танцевал со мной. Он пожертвовал ради меня многим. И в конечном счете... спас мне жизнь.

Я перечитываю пост еще раз, но теперь обращаю внимание на имя его автора. Которое говорит само за себя. Мэделин Цукерман.

Я прокручиваю страницу дальше вниз и спрашиваю:

– Мама, ты прочитала этот пост?

Мама кивает:

– Да, с утра. Наверное, написала какая-то девочка, которая когда-то была влюблена в Нэйтана.

– Да, но «спас мне жизнь»... Тебе не кажется, что это слишком?

– Ну, может быть, помог принять правильное решение в трудной ситуации – чтобы не было потом больно или стыдно... Да там что угодно могло быть. Ведь у вашего папы был талант, и талант редкий – замечать, когда кому-то плохо, и помогать, чего бы это ему ни стоило.

Мама замолкает – глядит на меня, на Элис, опять на меня...

– И ты, Тай, пошел в него. И ты, Элис... Конечно, иногда вы друг к другу несправедливы, но вы так же добры и внимательны к людям, как и ваш папа.

Я немедленно отвергаю сравнение:

– Папа вне конкуренции! – Я тычу пальцем в экран. – Вот кто настоящий Супермен!

Несколько секунд мы молчим. Потом Элис хрипло бормочет:

– Да... Только вот Супермен не погиб в аварии. Получается, папа смог помочь всем, кроме себя.

На этой печальной ноте дискуссия обрывается.

Глава 9

Элис

Если вы когда-нибудь теряли близких, то, возможно, знаете немного о том, что такое замороженный ужин быстрого приготовления. Я же до недавних пор понятия об этом не имела. Обозвала эти ужины «готовыми к разогреву блюдами». Они быстро заполнили все свободное место в нашем морозильнике. Мама говорит, что очень здорово, когда друзья приносят тебе еду. Я попробовала парочку таких и осмелюсь не согласиться с этим утверждением.

С того момента, как мама показала нам страницу на Facebook, посвященную папе, она только и делает, что лежит на кровати в своей комнате. Ну и, само собой, кому-то звонит и что-то узнает насчет завтрашних похорон. Не знаю, чем там Тай собирается заняться, – наверное, поспать. Я же провожу время, просматривая старые записи в блоге, вспоминая старые добрые времена – прошлую неделю, когда единственным, что меня волновало, были всего лишь насмешки одноклассников.

В шесть часов вечера я возлежу на диване с ноутбуком в руках. Мама заходит на кухню, швыряет очередной ужин быстрого приготовления в духовку. Хотя еду нам приносили всю неделю, это первый раз за последнее время, когда мы вместе собираемся за «семейным столом».

– Что ж, – говорит мама, как только мы расселись перед тарелками с едой. – Сегодня очередная запеканка с овощами. Выглядит вроде бы... аппетитно.

– Да, выглядит нормально, – замечает Тай. – Только у меня впечатление, что...

– Что кого-то не хватает, – говорю я.

Взоры всех троих устремлены на пустующее место за столом.

Не надо было так говорить. Поднимаю глаза и вижу, что мама снова на грани истерики – вся покраснела и дрожит мелкой дрожью.

Сделав пару глубоких вдохов, она говорит:

– Ты права, Элис. – И продолжает, словно выдавливая из себя слова: – Кого-то не хватает. Но мы по-прежнему семья. Ты, Тай и я. – Мама указывает на каждого из нас по очереди. – Мы все еще здесь – вместе – и должны жить дальше. Этот ужин – хорошее начало новой жизни. Так что давайте просто поедим, насладимся едой и представим, что...

Решимость пропадает с ее лица. Я понимаю, что это значит. Теперь еще пара минут, и она разревется.

– Может, тебе пойти прилечь, мам? – быстро предлагаю я.

– А я не хочу есть, – говорит Тай, оттолкнув от себя тарелку.

Наши с Таем комментарии запросто могут довести маму до истерики... И, похоже, это происходит. Она падает головой на стол, прямо между блюдом с запеканкой и своей тарелкой, и между всхлипами причитает: «За что?», «Это несправедливо!», «Он должен был подумать о нас!» и «Пожалуйста, Господи, верни мне моего мужа!».

Тай пронзает меня красноречивым взглядом:

– Видишь, что ты натворила!

Я люблю своего брата, но иногда я его ненавижу.

– Я? Это же ты «есть не хочешь»!

– И? Это же ты утром за завтраком брякнула, что Супермен не может умереть.

Я, сощутив глаза в злые щелки – «уничтожающий» взгляд, отточенный в школе в прошлом году, – возмущенно бросаю ему:

– Неважно. Это не меняет того факта, что ты просто придурок, которого совершенно не волнуют чувства других людей. Ты всегда думаешь только о себе, какой ты крутой!

В самый разгар нашего препирательства звонят в дверь.

– Я открою! – в один голос кричим мы с Таем, прекратив ругаться и рванув к входной двери.

Мама остается сидеть за столом и тщетно пытается собраться с духом.

– Ммм... Мам, – говорю я минуту спустя, войдя в столовую, – у нас гости.

– Я не в настроении принимать гостей, – отвечает она, по-прежнему пряча лицо в ладонях. – Скажите, что момент неподходящий.

– Мы уже поняли, – говорит дедушка Стин, входя вслед за мной. – Для всех нас момент неподходящий. Правда, надеюсь, ты все же не отправишь нас восвояси только из-за этого.

Его голос звучит устрашающе, почти как папин, и этого достаточно, чтобы мама подняла голову.

– Привет, Хэлли, – продолжает дедушка. – Извини, что мы без приглашения. Мы не знали, к какому часу доберемся, но приехали сразу же с самолета. Даже не зарегистрировались в отеле, потому что сначала хотели узнать, как дела у тебя и у наших внуков.

Мама вытирает лицо, внезапно смутившись, – должно быть, представила себе, как она выглядит.

– О, – стонет она, – я так рада, что вы здесь, Тим. И вы, Колин. Не нужно ехать в отель. Оставайтесь здесь. Побудьте с нами.

Бабушка и дедушка обмениваются торопливыми взглядами. Бабушка подходит ближе и кладет руку маме на плечо.

– Мы не хотим вас обременять, дорогая. У тебя и так дел по горло, а тут еще и мы.

Мама вытирает слезы и выпрямляется.

– Вы ведь еще не заплатили за номер? – спрашивает она.

– Нет, – отвечает дедушка, – только забронировали.

– Тем более, – решительным голосом говорит мама. – Вы остаетесь здесь. Вы ведь наша семья, а сейчас нам нужна поддержка всех ее членов.

Кристи Лав Баркер

22 октября

Около семи лет назад мы с мужем еще жили в Техасе. Я была беременна вторым ребенком и чувствовала себя очень плохо. Муж остался без работы, а я пыталась хоть как-то подработать. В тот день была буря, я ехала на работу и, не справившись с управлением, выехала на встречу. Моя машина перевернулась и свалилась в канаву. Потрясенная, я не могла выбраться из перевернутой машины, и мне оставалось лишь ждать. В этот момент по встречной полосе ехал муж моей подруги, и, хотя он был не первым, кто остановился, он первым выскочил из машины, чтобы помочь мне. Уже то, что он остановился, было хорошим поступком, но потом он сделал нечто удивительное – накинул на меня свое пальто и спросил разрешения помолиться вместе со мной, чтобы с моим ребенком все было в порядке. Вскоре приехали полицейские и помогли мне выбраться из машины. В тот день Нэйтан Стин стал моим ангелом.

Глава 10

Элис

МОЯ ЛИЧНАЯ СТРАНА ЧУДЕС:

26 октября

Дорогой блог, это я, Элис.

Время уже позднее, и я не знаю толком, с чего начать, так что, думаю, просто скажу... жизнь продолжается.

Для некоторых из нас, во всяком случае.

Сейчас, однако, жизнь, кажется, идет намного медленнее, чем на момент моего предыдущего поста. Медленнее и скучнее. Ведь есть же такое слово? Скучнее? А впрочем, неважно. Из всех слов мира не найдется таких, чтобы описать то, что мне сейчас приходится переживать.

Честно говоря, я по-прежнему сомневаюсь, стоит ли писать здесь об этом, поэтому не заходила сюда на этой неделе. Не думаю, что кто-то, кроме меня, вообще читает мой блог, так что не знаю, почему так боюсь написать обо всем, о чем думаю и что чувствую. Может, я сама боюсь своих слов. А может быть, я просто боюсь реальности.

А реальность такова...

19 октября официально стал худшим днем, который только может быть. Может, не для всех, но для меня безусловно. День уже начался плохо: я понадеялась, что, так как это была пятница, дети в школе будут слишком заняты мыслями о выходных и оставят меня в покое на некоторое время.

Зря надеялась.

Не прошло и пяти минут с момента моего прихода в школу, как Лиза Диллендер остановила меня в коридоре и сказала, что находит мой прикид симпатичным. Надо было видеть мои глаза – мне первый раз за долгое время сказали что-то хорошее. Но, конечно же, потом она спросила, не купила ли я все это на распродаже.

Я хотела посмеяться над тем, как она примитивна. А еще хотела ударить ее. Но просто заставила себя улыбнуться и пошла дальше. И за спиной слышала смех всех ее идиоток-подружек.

Почему они такие стервы, а?

В прошлом месяце я взяла в Далласской центральной библиотеке книгу об издевательствах в школе. Там было написано, что есть несколько ключевых факторов риска: если подросткам не хватает внимания в семье, если их родители обращаются с ними плохо или не любят их в полной мере или если у них есть друзья-хулиганы, то, вероятнее всего, они будут издеваться над другими детьми. Иногда дело просто в их низкой самооценке, которую они хотят поднять за счет унижения других.

Прочитав книгу, я пыталась представить себе, какие мотивы движут моими мучителями. Так, в случае с Лизой я подумала – у нее проблемы с самооценкой. То есть, конечно, она красивая и популярная, но в глубине души понимает, что тупа как пробка, и наверняка ее это страшно злит. То, что я умнее практически всех ее сверстниц и ее самой в том числе, наверное, и заставляет ее издеваться – чтобы вроде как мы оказались на одном уровне.

Ох, похоже, я совсем отвлеклась от темы. А может, нарочно пытаюсь не писать дальше о событиях 19 октября.

Так вот, возвращаясь к реальности...

После второго урока настала очередь Майка Смитса – чувака с жуткой родинкой на руке, из которой растут густые темные волосы. Он дождался, пока учитель подойдет к кому-то в конце класса, и сказал мне:

– Эй, Элис, ты любишь креветки?

Я ответила, что да, а он и его приятели начали ржать, когда Майк сострил:

– Тогда сожри саму себя!

Думаю, у Майка проблемы с родителями – он не чувствует родительской любви.

А потом, во время перерыва на ланч, какая-то дура случайно толкнула еще одну дуру, которая, в свою очередь, случайно вывалила зеленое желе прямо мне на колени. И обе ржали как сумасшедшие, как и все в столовой, кто это видел. Прежде чем уйти, первая дура улыбнулась и сказала с вызовом:

– Оставь желе себе, Элис. Мама говорит, для младенцев это лучшее питание!

В самом деле? Я думаю, что родители обеих уделяют им мало внимания.

Но знаете что? Меня ничто из этого особенно не волнует. Разве что чуть-чуть, иначе я бы не писала здесь. Но в конечном счете все поступки этих малолетних дебилов не имеют для меня никакого значения. Если они думают, что могут причинить мне боль или заставить страдать, то ошибаются. И вот почему...

Тем вечером я узнала, что такое настоящая боль. И поняла, каково это – когда тебе так плохо, что жизнь теряет всякий смысл.

Я узнала, что мой отец умер.

Если говорить точнее, погиб – не покончил с собой, его не убили, ничего такого. Просто нелепая случайность. И вот теперь его больше нет... и я скучаю по нему.

Когда мама сообщила мне это, я подумала: какая-то глупая шутка. Не то чтобы по маме было видно, что она шутит, – совсем наоборот. Она выглядела совершенно убитой (и, кстати, выглядит так до сих пор). Кажется, я даже рассмеялась, потому что не знала, как быть. Подумала: «Элис, лучше посмеяться, потому что тогда еще пару мгновений ты сможешь верить, что это всего лишь шутка!» Ведь не могла же мама говорить всерьез? Как можно просто зайти в дом и с порога объявить, что мой папа оказался в неправильном месте в неправильное время и поэтому погиб? Разве может это быть правдой, а не какой-то жуткой шуткой?

Вот только это оказалась далеко не шутка.

Все, что мама сказала, было правдой. Я знала это, даже когда еще смеялась. Прочитала по ее глазам. Это было написано на ее лице, и в ее позе, и в том, как она рухнула на диван рядом со мной.

К тому моменту она уже побывала на опознании и последние два часа провела в беседах с полицией и персоналом больницы. Она выглядела настолько потерянной, что я удивилась, как это они разрешили ей вести машину. Но они разрешили, и вот теперь она разбила мой мир, сообщив жуткую новость.

Услышав которую, я чуть не умерла.

Мы проплакали, обнявшись, целый час, а потом отправились на матч – рассказать все Таю. Хотя я предпочла остаться в машине... Последнее, что мне сейчас было нужно, – очередные издевательства моих идиоток-одноклассниц, которые из моих слез раздули бы целое представление.

Почему все это случилось со мной? Почему они такие сволочи? Почему именно мой папа должен был умереть?

Неважно. Как я уже сказала, жизнь продолжается.

Мы с Таем не ходили в школу на этой неделе. Похороны завтра.

Я не хочу видеть папу в гробу.

Хотя... по крайней мере, поход на похороны – это лишний повод выйти из дома. Мы отсиживались всю неделю, питались едой, которую нам приносили знакомые люди. Единственное, чем мы заняты за последнее время, – читаем, что пишут о папе на Facebook, чтобы не умереть от тоски. Удивительно: комментарии приходили от людей со всей страны и даже парочка – от иностранцев. Папа всегда говорил, что нужно постоянно искать способы помочь людям, но я никогда не понимала, как много он действительно успел сделать для других.

А теперь позвольте мне добавить быстрый заключительный комментарий, на случай, если кто-нибудь это читает. Я хочу, чтобы вы узнали последнее, что мой папа сказал мне перед школой в прошлую пятницу, и, следовательно, последние слова, которые он говорил кому-нибудь из нас, членов его семьи: «Помни, кто ты».

Так вот, я знаю, кто я, и никогда не забуду. И другим не позволю...

Я дочь Нэйтана Стина.

Трэвис Нэф

23 октября

Мне нужно было установить паркетные полы и положить плитку в доме. Нэйтан узнал, что я собирался заниматься этим сам, и несколько дней приходил помогать. Конечно, не сказать, что пользы от него было слишком много, но дополнительные руки и инструмент мне оченьгодились.

Роб и Дженни Келли

23 октября

В прошлом году Нэйтан случайно написал мне, что у него осталась пара блюд из бизнес-ланча, и предложил завезти еду к нам домой. Он понятия не имел, что Дженни целый день было плохо, а я не мог придумать, что приготовить детям на ужин. Его эсэмэс была настоящим спасением. Одно доброе дело; один хороший ужин; один великий человек.

Глава 11

Тай

Пятница, полпятого утра. Я знаю, зачем встал я, но понятия не имею, зачем кому-то еще в такую рань быть на ногах. Я сижу неподвижно на кухне и слушаю, как кто-то спускается по лестнице.

– Да, мисс Мэй, – слышу я чей-то голос. Это, безусловно, дедушка, но он изо всех сил старается говорить как можно тише. – Да, я еще у телефона. Что я могу для

вас сделать? – Он останавливается, не дойдя до кухни, так что еще не заметил меня. – О, мне так жаль, – после долгой паузы говорит дедушка. А затем: – Если бы я был в городе, сразу бы пришел. – Еще одна пауза.

– Верно, я в Техасе. – Снова тишина, но только на короткое время. – Нет, я не думаю, что койоты здесь крупнее.

Еще пару минут он слушает – и говорит:

– Конечно, Мэй. Звоните мне в любое время. До свидания.

Я слышу сигнал окончания разговора, и дедушка появляется в дверях кухни.

– О, привет, Тай, – говорит он, едва войдя. – Я думал, что я тут один.

– Нет. Я встал еще пару часов назад.

Я жду, пока дедушка усядется рядом со мной, а потом спрашиваю:

– Много звонков в такой ранний час?

– О, просто моя подружка звонила узнать, как у меня дела, – отвечает дедушка. Он говорит это с совершенно невозмутимым видом, я даже почти верю, что у него есть подружка на стороне. Вот только папа тоже любил пошутить подобным образом, поэтому я спускаю все на тормозах.

– Круто, – говорю я с не менее невозмутимым видом. – А бабуля-то в курсе?

Дед хмыкает:

– Это старая мисс Мэй, восьмидесятивосьмилетний седовласый ангелочек из числа моих прихожан. У нее небольшие проблемы с памятью – знаешь, не узнает собственных детей, иногда забывает, какой сегодня день недели. Но почему-то не забывает обо мне. И когда у нее что-нибудь случается, сразу мне звонит.

– А в чем сегодня дело? – интересуюсь я.

– В кошке, – отвечает он сухо.

– В кошке?

– Ага. В кошке по имени Принцесса. Как сказала Мэй, «вчера мою Принцессу сожрали койоты», – объясняет дедушка.

– Ох. Жуть какая!

– Да уж. Вот только этого не было. Ну, то есть в любом случае – не вчера вечером. Койоты разодрали бедную кошечку мисс Мэй три или четыре года назад, но периодически ей кажется, будто это произошло только что. В итоге она звонит мне. Уже в седьмой или восьмой раз. – Он делает паузу. – Хорошо, что у кошек только девять жизней.

В подобной ситуации папа сказал бы точно так же. Они с дедушкой настолько похожи, что мне даже не по себе. Поэтому я никогда не мог понять, почему они с папой не были близки. Ведь при таком сильном сходстве должны были быть. Но между дедушкой и отцом всегда стояло нечто невысказанное, своего рода пропасть, которую замечали все члены нашей семьи. Хотя со стороны это не очень бросалось в глаза. То есть они не были врагами, но по паузам в разговоре или взглядам становилось ясно, что что-то не так. Я спрашивал у папы несколько раз, в разных ситуациях, и каждый раз он отвечал, что все это ерунда. Но однажды признался, что у него с отцом не все было так хорошо, как хотелось бы. И добавил, почти про себя:

– Просто всегда будь со мной честным, и у нас с тобой все будет иначе.

Это было единственное объяснение, которого я смог от него добиться. Неужели папа винил дедушку в том, что тот не был с ним откровенен? И из-за этого они не были близки?

Думаю, этого я никогда не узнаю.

Дедушка мгновение смотрит на меня, и его улыбка меркнет. Он читает меня, словно открытую книгу.

– Ну так что, – говорит он, взглянув на часы, – о чем ты сейчас думал?

– Да так... о разном, – отвечаю я. – Знаешь, не хотят мозги мои отдохнуть.

– Это наследственное, – удовлетворенно кивает дедушка. – Твой отец был таким же. Ты унаследовал это от него, а он от меня, так что вини меня, если хочешь.

– Обычно я могу отключаться, если нужно, но в последнюю ночь как-то не получилось. Я просто не могу перестать думать о...

Дедушка долго выжидает, прежде чем пытается закончить мою мысль:

– О твоём отце?

– Да, – говорю я так тихо, что едва сам себя слышу. – И о многом другом.

– Поделишься со мной?

– Не хотелось бы, – отмахиваюсь я.

Дед вопросительно вскидывает брови и расплывается в улыбке:

– Справедливо. Ты уже завтракал?

– Так рано? Нет, конечно.

– А вот мой желудок говорит, что самое время перекусить. Не возражаешь, если я что-нибудь приготовлю? Бьюсь об заклад, дюжий парень вроде тебя никогда не против поесть.

Конечно, я умираю с голоду!

– Да, я бы перекусил. Что ты хочешь приготовить?

– Ну, надо посмотреть, какие продукты есть. Думаю, яичницу с беконом, мясо с овощами и, может быть, оладьи с сиропом, – расписывает дедушка.

– Блинчики?

– Нет, оладушки. Почти то же самое, но с более классным названием. Как тебе идея?

– Нравится, наверное, – пожимаю я плечами.

Дед похлопывает меня по руке.

– Что ж, давай проверим.

В течение следующих тридцати минут мы бок о бок готовим. В результате у нас столько еды, что можно накормить всю мою футбольную команду. Все это время мы не переставая болтаем, удивляя друг друга то одним, то другим. К моему изумлению, разговор течет не менее гладко, чем сироп для блинчиков из свежееоткупоренной бутылочки. И постепенно я понимаю, что почти совсем не знаю своего дедушку. Они с бабулей живут так далеко, что мы видимся отнюдь не часто. Обычно они приезжают раз в год, всего на пару-тройку дней, а несколько лет и вовсе не приезжали. Может быть, если бы не было между папой и дедушкой этого неловкого молчания, последний навещал бы нас чаще. Во всяком случае, теперь, когда мы одни в кухне, треплемся и готовим, у меня такое чувство, словно я знаю его, на самом деле ничего о нем не зная. Если, конечно, в этом есть хоть какой-то смысл.

Потом мы садимся завтракать, и разговор снова возвращается к тому, с чего начался.

– Ну, так ты поделишься со мной своими мыслями? – спрашивает дедушка.

Я втыкаю вилку в стопку блинов – ой, простите, оладушек.

– Какими именно? Поделюсь, но сначала ответь мне на один вопрос, – подмигиваю я ему.

– Идет, – сразу же подхватывает интонацию дедушка. – Валяй!

– Хм, ладно, – отвечаю я. Как бы так сформулировать вопрос, чтобы при этом не показаться чересчур назойливым?.. – В общем, мне всегда было любопытно, почему вы с папой... ну... не очень-то ладили?

Дед удивлен. Не то чтобы его застал врасплох мой вопрос – скорее то, что я вообще это заметил.

– Это он сказал тебе, что мы не ладили?

– Нет. Просто я вроде как сам догадался. Даже когда ты приходил в гости, вы с папой почти не разговаривали. А если и разговаривали, то как-то странно, – честно делюсь я своим ощущением.

– Тай, я очень любил твоего папу. Он был прекрасным человеком, замечательным отцом и мужем. У него была замечательная работа. И прекрасная жизнь.

– Я знаю. Но ты ведь не ответил на мой вопрос.

Мгновение он молчит.

– Ты мне задал самый трудный вопрос на свете. Честно говоря, я даже не уверен, что смогу на него ответить.

Он останавливается перевести дыхание.

– Ты когда-нибудь клал камешек перед ручейком воды? Так вот, даже самый маленький камешек может разделить ручеек на два отдельных потока. Иногда они обходят его и снова соединяются, а иногда каждый течет дальше сам по себе. Думаю, со мной и Нэйтаном было что-то подобное: на нашем пути встало препятствие, и мы так и не смогли соединиться вновь.

Дед накалывает на вилку ломтик бекона и откусывает кусочек.

– Впрочем, в этом моя вина. Долгое время я думал, что Нэйтан – блудный сын, и просто ждал его возвращения. Но в какой-то момент – видимо, слишком поздно – до меня дошло, что, возможно, это я блудный отец. Я сделал все, что мог, чтобы наладить наши отношения, и в некоторой степени они наладились. Но между

мной и твоим отцом всегда оставалась какая-то недосказанность, и мы так никогда и не смогли до конца сблизиться.

– А в чем был камень преткновения? – спрашиваю я.

Дед пытается улыбнуться:

– Все это было очень давно, Тай. И подробности не самые приятные. Не стоит и говорить. К тому же теперь моя очередь задавать вопросы. – Я выжидательно смотрю на него. – Я выполнил свою часть обещания. Ну, ответь мне, из-за чего же ты не спал всю ночь?

И ничего не происходит...

– Из-за футбола, – отвечаю я.

Дед снова удивленно вскидывает брови, но уже не так сильно, как в прошлый раз.

– Футбола? А что не так с твоей футбольной карьерой? – спрашивает он.

– Ничего. Только то, что вчера я решил ее закончить. Еще до того, как лечь спать, написал сообщение тренеру.

– Тай, но зачем, зачем ты это сделал? – изумляется дедушка. Интересно, что он имеет в виду: почему я ушел или почему написал тренеру? Наверное, первое.

– Я еще не решил однозначно. Вот почему я всю ночь не спал – пытался понять, – отвечаю я.

– Мне казалось, тебе действительно нравится играть в футбол... – Он все еще недоумевает.

– Да, я обожаю играть в футбол.

– Тогда зачем бросать?

Я очень хотел бы не знать почему, но, к сожалению, знаю точно. Или, по крайней мере, я сократил количество причин до одного конкретного повода, хотя и не могу в полной мере сделать из него нормальную, логичную для окружающих причину.

– Все непросто, – бормочу я. Угу, прямо библейская истина!

– Это из-за того, что случилось с твоим отцом? – спрашивает дедушка.

Чтобы понять, что происходит в моей голове, нужно очень сильно постараться, так что лучше даже не начинать. Я просто киваю и говорю самое правдоподобное, на что способна моя фантазия:

– Папа был моим самым преданным фанатом. Он научил меня играть, еще когда я был ребенком. Теперь просто нет смысла продолжать, ведь рядом нет его, чтобы меня подбадривать.

Я смотрю на еду и понимаю, что уже не голоден. Мысленно готовлю себя к тому, что сейчас дед начнет меня уговаривать, убеждать, что надо как следует подумать, или просто сочтет мою отговорку дурацкой. Но он произносит фразу, от которой мое настроение резко падает:

– Что ж, яблоко от яблони...

– Ч-что?

– И он решил уйти из футбольной команды в выпускном классе.

Вот как!

– Ммм... – Мой словарный запас оскудел до полного исчезновения.

Дедушка кладет свои приборы и смотрит на меня пристально. Морщины на его лбу становятся глубже.

– Ты что, не знал?

Нет, черт возьми, я притворяюсь. Это мне просто так весело, что сердце вот-вот из груди выскочит!

– Я всегда думал, что папина футбольная карьера продолжалась всего три года...

– Не совсем так.

– Так что, получается, он вступил в команду еще в четвертом классе? – недоумеваю я.

– Прости, Тай, я думал, ты знаешь, – пожимает он плечами.

– Почему он ушел? – В конце концов, не потому же, что его отец внезапно ушел из жизни!

Дед колеблется, и у меня складывается впечатление, что он пытается получше сформулировать свой ответ.

– Ну... Я думаю, все дело в выборе. Иногда приходится делать выбор, и нужно с этим жить. Так вот, Нэйтан просто предпочел заниматься любимым делом.

Я кладу себе на тарелку кусочек масла и интересуюсь:

– Он жалел об этом?

– Не знаю, Тай. Совершенно не знаю.

Арлин Трани

23 октября

Я стояла в очереди на почте – собиралась отправить посылку моему сыну, он служит в Ираке. Сотрудник почты меня торопил, так как они собирались закрываться. Сумма к оплате составила 70 долларов, а у меня было только 40.

Но следующим в очереди стоял Нэйтан Стин – и он доплатил за меня. Это так меня растрогало! Нэйтан поступил очень благородно!

Глава 12

Хэлли

«Когда все аплодисменты стихли, стадион пуст, когда все газеты уже сообщили о знаменательном событии, когда вы наконец один в своей комнате, а чемпионский кубок занял почетное место на комоде, когда вся шумиха улеглась, остается лишь уверенность, что следует прожить жизнь достойно и дальше делать все, чтобы наш мир стал лучше».

Я смотрю на эти слова на бумажном листе, но не вчитываюсь. Сегодня мне не нужно читать по бумажке – за минувшие сутки я прочла свою речь множество раз, так что, кажется, и во сне смогла бы ее пересказать, причем в каком угодно порядке.

Не стоит и говорить – в последние дни я почти не спала.

Сейчас мы на кладбище. Я стою у края могилы. Толпа родственников рассеялась, и теперь остались самые близкие и друзья. Говорить во время церковной службы мне не хотелось, но я подумала, что должна сказать несколько слов хотя бы здесь – по крайней мере, ради своих детей для наглядности, что со мной все будет в порядке.

– Нэйтан любил повторять эти слова, – продолжаю я. – И хотя они принадлежат звезде футбола Винсу Ломбарди, для моего мужа они служили руководством к действию. Каждый день Нэйтан пытался сделать мир лучше. Причем у него получалось творить столько хорошего, что казалось, будто он делал это шутя. Но ему приходилось отнюдь не легко. Дарить людям доброе отношение было его бескорыстной обязанностью. И добрыми своими делами он осветил жизни многих...

Ну вы только послушайте: я говорю, как и все, кто сегодня говорил про моего мужа, – будто все, что он когда-либо делал в своей жизни, было с целью служения людям, словно это он себе работенку такую выбрал. Наверное, так им казалось со стороны, но я-то знаю лучше, и Нэйтан тоже. Он не ставил себе цели совершать больше шести хороших поступков в день. Иногда ему удавалось перевыполнить план, но бывали дни, когда и шести-то не набиралось. И не хочу преуменьшить заслуги Нэйтана, потому что просто обожаю его за них, – но обычно добрые поступки ему совершенно ничего не стоили. Сколько секунд нужно, чтобы в дождь придержать перед кем-то дверь или позволить другому автомобилисту занять удобное место на парковке, даже если ты приехал раньше? Конечно, были и вещи, на которые требовалось времени больше, но это были скорее исключения.

Нэйтан как-то подсчитал, что в среднем уделял добрым делам всего восемь минут в день, даже при учете моментов, когда подолгу задерживался у друзей, чтобы чем-то помочь им, или после работы кого-нибудь навещал в больнице. Всего восемь минут. Даже меньше половины процента дневного времени. И хотя звучит это пренебрежительно – какие-то там минуты! – ох, как же хотела я, чтобы хотя бы одну из этих восьми минут в день мы с Нэйтаном проводили вместе.

По сравнению с тем, что у меня есть сейчас, даже одна секунда с ним показалась бы целой жизнью, а уж восемь минут – так и вовсе вечностью.

Соберись, Хэлли! На тебя люди смотрят!

Я опускаю руку с бумажным листом вниз. Не хочу его больше видеть. Есть многое другое, что написано в моем сердце и что нужно сказать, но в речь я этого не включила. Я поднимаю голову и встречаюсь глазами с Таем и Элис. Они стоят напротив.

– Но, – говорю я тихо, отходя от сценария и пытаюсь побороть подступающие к горлу слезы, – тот, кто лежит сейчас здесь, не хотел бы, чтобы его помнили только за его поступки с названием «добрые». Признание и слава никогда не были его целью. Может быть, в памяти многих он останется лишь как некто, готовый всегда прийти на помощь, но для меня в личности Нэйтана куда больше граней. Я запомню его как человека отзывчивого и мягкого, всегда искреннего и с прекрасным чувством юмора, абсолютно честного и достойного доверия, который имел смелость украсть мое сердце, хотя я с удовольствием отдала его

ему сама, без лишних уговоров. Я запомню его как отца, который любил своих детей больше жизни. И когда смотрю в глаза этих детей, особенно в такие моменты, когда кажется, что жить дальше без моего лучшего друга не вмоготу, я вспоминаю, что он все еще жив... в них. Наши дети... Я имела счастье разделить с ним его пребывание в этом мире – не только жить, любить и смеяться вместе с ним почти двадцать лет, но и воспитывать Тая и Элис, в которых осталась частичка его...

Я не хочу плакать, но внезапно понимаю, что слезы текут по моим щекам. Вот только... Мне совсем уже не так безнадежно. Нет, боль тише не стала, но я чувствую, что какая-то часть души встрепенулась... на открытую рану легло что-то врачующее... Листок с речью выскальзывает из моих рук и плавно опускается вниз, на землю рядом с гробом.

– Я люблю тебя, Нэйтан. Мы все тебя любим. Ломбарди был прав: аплодисменты и фанфары, возможно, стихли, но кое-что осталось. То, как Нэйтан изменил мир. И то, Нэйтан... как ты изменил меня.

Я говорила, что на поминальной службе присутствовали только члены семьи и самые близкие из друзей. Так вот, лукавила. На ней был и Рэнди Роулинз. Я позвала его, потому что подумала, что так будет лучше для моего сына – сегодня утром он заявил, что из команды уходит. К сожалению, они почти не говорили друг с другом на кладбище, так что я пригласила тренера и на поминки, которые Колин устроила у нас дома.

По правде сказать, Нэйтан так и не успел рассказать мне, из-за чего они с Рэнди перестали общаться еще в юности. «Обычная ссора двух школьников», – отшутился он как-то. Но даже то, что, судя по всему, Рэнди по-прежнему таил на него обиду, не помешало Нэйтану пристроить Роулинза на должность главного тренера. Ему просто кто-то сказал, что Рэнди сидит без работы.

– Ты уверен, что это хорошая мысль? – спросила я тогда Нэйтана. – Если он вправду тебя ненавидит, то почему ты думаешь, что он будет справедлив к нашему сыну?

– Хорошее отношение Тай, как и все остальные, должен еще заслужить, – ответил мой муж. – И да, я думаю, Рэнди будет действительно хорошим тренером. Если бы не травма колена, которую он получил в колледже, он стал

бы профессионалом, так что, безусловно, в футболе толк знает.

Когда в половине четвертого Рэнди появляется на пороге нашего дома, на нем по-прежнему темно-синий костюм, в котором он приходил на утреннюю службу. Мы перекидываемся парой слов в прихожей, а затем я устраиваю ему экскурсию по дому и знакомлю с несколькими знакомыми, которые уже собрались в гостиной. После этого отвожу Рэнди в сторону, чтобы поговорить наедине:

– Я так понимаю, Тай вам уже сообщил о своем решении?

Не то чтобы мы стояли совсем близко друг к другу, но даже с такого расстояния мне приходится задирать голову, чтобы посмотреть Рэнди в глаза.

– Уйти из команды? Да. И не могу сказать, что я в восторге от этого, – отвечает он.

– Как и я. Думаю, что футбол сейчас Таю особенно необходим. Если он будет в команде, это поможет ему справиться со всем, что на него свалилось...

Рэнди кивает:

– Вы ведь за этим пригласили меня? Чтобы я заставил его передумать?

Его тон выдает, что подобная мысль ему не очень-то по душе.

– Я надеялась, – бормочу я, смутившись.

Тренер пожимает плечами:

– Думаю, можно и попытаться. Но в его возрасте не особо задумываешься над своими поступками – в наше время юношу, если он вбил себе что-то в голову, переубедить трудно. Если только ты не девушка, причем симпатичная. – Рэнди делает выразительную паузу. – Где Тай?

Я улыбаюсь и показываю на окно за его спиной.

– Обычно сын предаётся размышлениям на заднем дворе.

И я отвожу Роулинза на кухню, где есть выход во двор. Идет мелкий противный дождь, но я не отстаю и вместе с тренером выхожу на улицу. И вижу, как Тай бросает мяч через шину на цепях. Спинай к нам, он достает из корзины следующий мяч и бросает его изо всех сил. Мяч пролетает сквозь отверстие в шине, вращаясь по спирали, и с громким стуком врежется в забор с другой стороны.

– Девятнадцать – один, – монотонно считает Тай и нагибается за следующим мячом.

– Кажется, хоть ты и неделю не тренировался, прекрасно держишь удар, – замечает Рэнди. – Это хорошо.

Тай оборачивается и нервно вздрагивает, видя меня за спиной тренера. Мне вдруг становится жутко неловко, что я не оставила их один на один, – черт бы побрал мою привычку совать нос в чужие дела!

– Только вот правильный удар – это когда ты не жульничаешь за спиной у своего тренера, – говорит Тай, отправляя очередной мяч сквозь шину. – Двадцать – один.

Рэнди держит руки в карманах.

– Могу я рассчитывать, что если ты тренируешь бросок, то передумал насчет ухода? Предположим, сегодня мы выиграем, а первый плей-офф будет через две недели – твое участие нам бы весьма помогло.

– А могу я рассчитывать, что мой папа будет на матче? – спокойным голосом отражает подачу Тай.

– Тай, у тебя есть полное право чувствовать себя разочарованным. – В словах Рэнди куда больше сострадания, чем ожидаешь от человека его роста. – Но разве ты не понимаешь, от чего отказываешься? От чемпионата штата и возможности доказать свою любовь к спорту. Ты ведь в этом году заканчиваешь школу, и скоро выпускные экзамены – так что давай, решайся. – Рэнди делает

паузу. – Черт возьми, не стоит бросать хотя бы ради того, чтобы на пару часов отвлечься от всего этого кошмара. Разве не этого хотел бы твой отец?

Лицо Тая багровеет.

– Вот только не надо притворяться, что вы и впрямь желаете мне добра. Не врите, тренер, вам ведь просто нужно, чтобы я вернулся в команду.

– Совсем ты меня не знаешь, Тай, – как-то грустно отвечает Роулинз.

– Да неужели? Вот только и вы не знали моего отца. Думаете, он хотел бы, чтобы я не бросал? Мой дедушка сказал мне сегодня утром, что папа ушел из команды в выпускном классе! – выкрикивает Тай.

Все идет совсем не так, как я рассчитывала. То есть вот так переживают потерю близких мужчины – дуют губы и ругаются друг с другом?

Рэнди стоит красный как помидор.

– Да что ты? Так вот, послушай, Тай: мы с твоим отцом были неразлейвода в тот год, и поверь мне, Нэйтан бы что угодно отдал, лишь бы по-прежнему играть в команде. Только вот он не умел вовремя... – начинает он и резко осекается, буравя Тая сердитым взглядом. Поднеся ко рту кулак, кашляет. – Твой отец был хорошим человеком. И я правда верю, что он бы хотел, чтобы ты оставался в команде до конца. Подумай об этом.

И прежде чем я или Тай успеваем сказать что-нибудь, Рэнди рысцой покидает двор, а затем дом.

Донна Каллен

23 октября

Надо же! Все рассказывают такие милые истории. Моя на их фоне проигрывает, но я все же расскажу об одном хорошем поступке Нэйтана. Как-то раз у меня сломалась машина, и мой муж обратился к Нэйтану, с которым мы живем по

соседству, за советом. Тот разрешил в любое время брать одну из своих машин по первой необходимости, и мы смогли пользоваться его автомобилем столько, сколько нужно.

Глава 13

Тай

Поговаривают, что тренер Роулинз получил свое место благодаря стараниям моего отца.

На самом деле это не так.

Да, когда-то они с тренером были лучшими друзьями. И да, папа правда устроил Роулинзу собеседование. Но приняли Рэнди за его собственные достижения. Ведь это его, а не папу под микроскопом рассматривала комиссия. Тренер показал им, на что способен, и то, что он получил должность, – полностью его заслуга.

К сожалению для меня, сплетня о папином заступничестве распространяется очень быстро. И те, кто ее подхватил, решили, что это из-за папы тренер так хорошо со мной обращался, так что каждый раз на поле мне приходилось выкладываться с утроенной силой. Потому что меньше всего на свете мне хотелось, чтобы кто-то говорил, будто мне легко досталось мое место в команде.

Хотя папа и Роулинз когда-то были друзьями, я никогда не видел, чтобы они разговаривали, даже на встречах команды. Может быть, так всегда происходит, когда вы становитесь старше: пути расходятся и друзья теряют связь?

Неужели то же самое будет со мной и Диллоном? Мы окончим школу и... что? Неужели через двадцать лет при встрече мы даже не заговорим друг с другом? Даже представить себе не могу такое.

Жаль, не знаю, что тренер имел в виду под фразой «Нэйтан бы что угодно отдал, лишь бы по-прежнему играть в команде». По словам бабушки, папа ушел из

команды добровольно, но в устах Роулинза фраза прозвучала так, словно выбора у него не было. Правда, скорее всего, тренер нарочно исказил факты – чтобы я растрогался и вернулся в команду.

Неважно. У него все равно не вышло. Я люблю футбол, но с меня хватит. Нет папы, нет футбола... И больше не надо никому ничего доказывать.

Я замахиwaюсь для броска и отправляю очередной мяч в корзину. Он исчезает в прорези шины и вылетает с другой стороны.

– Двадцать – двадцать два...

Потренировавшись еще – сделав сорок бросков, из них тридцать семь удачных, – я ухожу в дом.

В кухне застаю Элис. Она внимательно разглядывает надпись на банке с напитком. Сильно сомневаюсь, что эта банка ей просто приглянулась. Нет, думаю, она пытается выяснить какой-нибудь очередной невероятный факт об этом продукте. В этом вся Элис – она просто обожает узнавать новое. И, честно говоря, это ее конек. Только... Мне кажется, было бы гораздо лучше, если бы она не отдавалась этому занятию с таким рвением. Потому что, когда я приглашаю к себе друзей, ей обязательно надо выпендриться: то расскажет что-то про династию Мин, то начнет читать на «свинском латинском». Все мои знакомые думают, что она просто чокнутая.

– Не против, если я присоединюсь? – спрашиваю я, пододвигая к Элис стул.

– Мы живем в свободной стране, – отвечает она, не отрывая глаз от банки.

– Да что ты? А по-моему, у нас дома сейчас столько людей, что я уже, например, начинаю чувствовать себя заключенным. Неужели ты бы не хотела, чтобы они все свалили наконец? – улыбаюсь я.

Элис молчит.

– Элис, чем тебя так заинтересовала эта банка содовой? – не отстаю я.

Она поднимает взгляд, смотрит на меня, запускает руку в свои коротко подстриженные волосы и взъерошивает их.

– Могу поклясться, они стали мягче, чем пару месяцев назад. Меня несколько раз обливали содовой в школе – чем чаще это происходит, тем мягче становятся волосы. Невероятно, да? Я вчера изучила ингредиенты маминого кондиционера для волос, а сейчас просто сверила с составом содовой. Как думаешь, можно теперь рекламировать эту воду как кондиционер для волос?

– Ты что, выучила состав кондиционера? – изумляюсь я.

– Ага, начала с тех компонентов, которых больше, а потом выучила дополнительные. Тебя так сильно это удивляет?

Очень в духе Элис. Я в восхищении.

– Да! Это удивительно. Но еще и вроде как круто – когда твоя сестра может запомнить что угодно, если захочет. Надо отправить тебя на какую-нибудь телевикторину – мы бы заработали кучу денег.

– Вроде как круто? – хмыкает Элис. – «Вроде как» – совсем не те слова. И я уверена, что «вроде как круто» – это для тебя по-прежнему недостаточно круто, чтобы перестать стесняться меня в школе.

Так, опять начинается. Вот что я получаю в ответ на комплимент.

– Эл, сколько раз повторять, что я правда сожалею? Я знаю, ты все еще сердишься на меня из-за той истории с хот-догом. Имеешь право. Но уже ничего не поделаешь. Это в прошлом.

– Не для меня. Потому что я каждый день вижу наглые рожи этих дур, которые меня за идиотку держат. Но... вот если бы ты за меня заступился, кто знает...

Уверен, это ничего бы не изменило, но я ее понимаю.

– Еще раз говорю – мне правда жаль. В следующий раз я за тебя заступлюсь. Я виноват. Давай помиримся?

Элис оживает:

– В самом деле? Ты заступился бы за меня?

– Ну... да. Наверное... – мнусь я. Наверное? Что за идиотский ответ? Очевидно, что Элис он не убедил, потому что она хмурится.

– Конечно. Так я и поверила, что мистер «Крутой» позволит застать себя в компании нас, простых смертных.

Я сдаюсь.

– Ладно. Ты права. И когда в следующий раз кто-нибудь выльет на тебя банку содовой, не вздумай бежать ко мне жаловаться.

– Аналогично, – отвечает она. – Вот открою новый кондиционер для волос, и тебе придется тогда самому себя содовой поливать!

Я пытаюсь понять, что значит эта фраза, как вдруг из столовой в кухню входят две незнакомые мне пожилые женщины. Одна кладет руку на плечо мне, вторая приобнимает Элис.

– Как вы, ребята? – спрашивает первая. Мы с сестрой киваем, отвечая, что все хорошо, – мы так сегодня целый день всем говорим. После этого, даже не сообщив, кем они нам приходятся, пожилые дамы отправляются «пообщаться с тетусшкой Патрисией». Когда они уходят, Элис говорит:

– Ты прав, мы тут как в тюрьме. Лучше бы я сидела в своей комнате и писала в блоге.

Как и мама, Элис стала довольно опытным блогером. Ее блог называется «Моя маленькая Страна чудес». В прошлом году она столько времени проводила за нашим общим компьютером, строча новые заметки, что маме с папой в конце концов пришлось потратиться и купить ей личный ноутбук – иначе у нас всех не осталось бы шансов воспользоваться компьютером.

– Потерпи, – отвечаю я. – Рано или поздно они свалят.

В конце концов так оно и происходит.

К половине девятого из гостей в доме остаются только бабушка и дедушка Стин. Элис прокрадывается в свою комнату, а я решаю, что пора все же сделать над собой усилие и проявить гостеприимство по отношению к родителям моего отца. Особенно к дедушке, который почти ни слова не сказал за сегодняшний день. Как будто дал обет молчания. Не знаю, может, так на него подействовала вся эта кутерьма с похоронами или что-то еще, но уверен, что-то гложет его. После нашей утренней беседы о папе и футболе он и двух слов мне не сказал. Сейчас, когда все гости ушли, я хочу узнать, почему у них с Роулинзом такие разные взгляды на папину футбольную карьеру. Вот только дедушка словно испарился. Бабуля же неподвижно сидит на диване в гостиной, уткнувшись взглядом в колени. Спрашиваю:

– Можно я присяду?

Бабушка медленно поднимает голову и пытается улыбнуться:

– А разве нужно разрешение?

Обычно я очень неплох в том, что касается бесед со взрослыми, но, как только сажусь рядом с бабушкой, понимаю, что ничего интересного придумать не могу. Нет, можно, конечно, обратиться к проверенным темам из серии «школа», «оценки», «какой колледж выбрать», «таблетки» – но все это выглядит как-то нелепо в такой момент. И я решаю начать с вопроса, на который весь день отвечаю сам:

– Как ты, справляешься?

Бабушка подносит белоснежный платочек к заплаканным глазам:

– С трудом. С большим трудом. А ты?

– Аналогично. А дедушка? Он мне показался каким-то... отстраненным. По крайней мере за завтраком.

– Да? Так вы завтракали вместе? – удивляется она.

– А он не сказал? Да, мы очень рано встали. Все еще спали, – честно рассказываю я.

– Ну не обижайся на своего деда за то, что он такой молчун. Он всю неделю ходит чернее тучи – просто убит горем...

– Мама сказала, вы с дедушкой собираетесь погостить у нас какое-то время?

– Надеюсь, мы не помешаем. У Тима есть всего неделя, потом ему нужно возвращаться к прихожанам. Но я все равно подумала, что, может быть, первое время вам с мамой понадобится наша помощь...

– Конечно, – киваю я.

Она снова пытается улыбнуться, но получается лишь что-то вроде морщинистой ухмылки. Ее глаза снова наполняются слезами, и она подносит платок к лицу:

– Тай, тебе кто-нибудь когда-нибудь говорил, как ты похож на своего папу?

– Большинство говорят, что я больше похож на маму.

– Да, внешне ты точно в нее. Но характером и манерой держаться весь в Нэйтана.

– Спасибо. То есть надеюсь, что так. Когда-нибудь я хочу стать таким же, каким был папа.

Я и правда больше всего на свете хочу когда-нибудь стать похожим на своего отца. Единственная проблема, но я никогда не скажу этого бабушке, – судя по всему, мы с папой совершенно разные. Пусть у нас и одинаковый размер обуви, но размах его души для меня слишком велик.

Я улыбаюсь бабушке, и она улыбается в ответ. Очень милый момент – наверное, самый милый за все эти годы. Но тут вдруг в комнату входит мама с папиным рабочим ноутбуком в руках, и вся «милость» момента улетучивается.

Ее снова трясет, она в слезах, и я тут же понимаю: что-то не так. Куда делась женщина, которая еще недавно произнесла такую потрясающую речь над могилой своего мужа? Я думал, мама готова жить дальше. Оказалось, нет.

Когда она проходит в комнату, у меня возникает ощущение, что она уже не просто оплакивает папу. Нет, тут все гораздо серьезнее. Я не понимаю, как такое возможно, но сейчас мама кажется еще более подавленной, чем в тот вечер, когда ей позвонили из больницы.

Сначала она смотрит на меня таким взглядом, будто не уверена, хочет ли видеть меня здесь, но потом переводит взгляд на бабушку. Швыряет компьютер на диван рядом с ней, и бабуля подсакивает от неожиданности. Затем мама, перемежая слова со всхлипываниями и вздохами, начинает говорить:

– Только не говорите, что вы об этом не знали...

На пару мгновений взгляд бабушки затуманивается. Потом она собирается с духом, берет ноутбук и долго вглядывается в экран. Наконец снова поднимает глаза, но я не могу прочесть, что за эмоции в них отражаются. Смущение? Растерянность? Сомнение? Безразличие? Не могу понять. Бабушка делает глубокий вдох и спокойным голосом отвечает маме:

– Если бы Нэйтан хотел, чтобы ты узнала, уверена, он бы рассказал тебе сам.

– Так, значит, это правда! – вскрикивает мама и, рухнув в кресло рядом со мной, сворачивается клубочком, словно корчась от боли.

– Это правда. Все эти годы... и он молчал! – мычит она, двумя руками сжимая голову, словно вот-вот уронит ее.

Бабушка, кажется, все еще собирается с мыслями. И наконец говорит, хотя краткость ее речи только усугубляет ситуацию:

– Как бы там ни было, я знаю: тебя он любил больше.

Бабушка встает с дивана, разглаживая складки на своем длинном траурном платье. Почти извиняющимся тоном она добавляет:

– Был трудный день, так что я, наверное, пойду посмотрю, как там Тим. Если вы не возражаете, я пойду в нашу комнату. Мы переночуем здесь.

Мама отвечает резким жестом и косым взглядом, смысл которых сводится к краткому «Уйдите уже!».

Несколько следующих минут я молча наблюдаю мамину истерику. Иногда она перестает рыдать, чтобы отдышаться, но потом все повторяется снова. Я хочу утешить ее, но не знаю как, потому что не понимаю, что происходит. И из-за всего только что сказанного какая-то часть меня даже не хочет ничего знать, потому что тогда мое отношение к папе может измениться навсегда.

Но я должен знать.

Поэтому крадучись, словно мышь, которая чувствует опасность, но не может устоять перед запахом сыра, я пододвигаю к себе компьютер.

На экране открыта почтовая программа. Передо мной все входящие письма. Первое, что бросается в глаза, – знакомое имя отправителя: Мэделин Цукерман, та самая, которая столько всего написала в папином паблике на Facebook. Мое сердце уже и так бьется сильнее, а теперь и вовсе готово выскочить из груди. Всего лишь любовь детства, ведь так? Но почему тогда она пишет ему на рабочую почту?

Письмо было отправлено всего восемь дней назад, за день до смерти папы. В теме письма указано «Re: Твоя дочь».

С чего бы это вдруг он стал переписываться с этой женщиной об Элис?

Само сообщение очень короткое. Но опять же, чтобы разрушить весь мой мир, достаточно и его:

Привет, Нэйтан! Чтобы скрасить твой день, прикрепляю фото Зоуи и ее жениха. До сих пор не могу поверить, что наша девочка выходит замуж. Слушай, я знаю, я уже говорила об этом, но теперь собираюсь спросить прямо: согласишься ли ты поехать со мной в Калифорнию на свадьбу? Просто познакомиться, чтобы она

узнала хоть что-то о своем отце, прежде чем создаст собственную семью. Я знаю, что прошу слишком многого, но ведь это так много значит для нее... и для меня. Дай мне знать.

С любовью! Мэделин

На фото прекрасная девушка. На вид ей лет двадцать пять, но я не слишком хорошо определяю возраст по фотографиям. Обнимает ее парень примерно того же возраста.

Я чувствую, как внутри меня нарастает волна гнева.

У моего папы что, был все это время еще ребенок? Он что, изменял маме? Все эти годы он ее хладнокровно обманывал? Да как такое возможно?

До того как я прочитал письмо, я хотел как-то утешить маму, но теперь утешать надо меня. Потерять папу ужасно больно, но чтобы то, что мы о нем думаем, обратилось в дурнопахнущий прах? Меня словно расплющило той самой машиной, которая его убила...

Я дотрагиваюсь до мамы, просто чтобы она знала, что я тут, – как будто это ей что-то даст... И поднимаюсь наверх. Слишком много всего на меня обрушилось разом... Я хочу побыть в одиночестве.

Дженн О'Брайен

24 октября

Нэйтан как-то раз очень сильно помог мне, и это стало для меня примером, вдохновившим начать помогать людям. Где-то месяц назад произошло вот что. Я был в подземном гараже своего дома, проезжал вдоль стены, рядом с мусорными контейнерами, и заметил женщину, которая пыталась выбраться из контейнера. Я остановился и выбежал из машины, чтобы помочь ей.

Оказалось, около мусорных контейнеров кто-то оставил ковер; женщина поскользнулась на нем и, подвернув ногу, упала в контейнер. Она барахталась

там минут двадцать, прежде чем ей удалось позвать кого-нибудь на помощь. Вытащив ее из контейнера, я отвез женщину в клинику. Но она оказалась закрыта, так что я повез ее в больницу скорой помощи, что в 20 минутах езды. Помог санитару уложить ее и отмыть. И отошел припарковать автомобиль, а когда вернулся, чтобы убедиться, все ли в порядке, оказалось, женщину не смогут оставить в этой больнице, но нас перенаправили в другую, в двух кварталах оттуда. Мы снова погрузили ее в машину и поехали. Пока женщиной занимался больничным персонал, я вышел подышать, а затем вернулся, чтобы узнать, как она. Вышла медсестра и сообщила, что родственники пациентки уже в пути и я могу ехать домой. Я знаю, что это мой поступок, а не Нэйтана, но решил им поделиться, потому что он был прав: делай добро – и получишь добро в ответ! Если бы он не подал пример, я, возможно, не смог бы поступить так, как поступил. Вozить эту бедняжку по больницам было не очень-то приятно, но как Нэйтан сделал для меня доброе дело, так и я был рад протянуть руку помощи другому человеку.

Глава 14

Хэлли

У вас бывало когда-нибудь ощущение, будто вы на дне очень глубокого бассейна и понимаете, что можете не доплыть до поверхности? Ваши легкие горят, а страх смерти перерастает в панику? Так вот, мне приснился страшный сон, будто я тону...

Проснувшись в холодном поту, я жадно вдыхаю воздух, как будто действительно выплыла на поверхность. Дотрагиваюсь до лица – оно такое же мокрое, как и два часа назад, когда я задремала на диване. Честно говоря, я надеялась, что слезы высохнут, но увы – во сне меня преследовали слова некоей Мэделин Цукерман и лицо ее дочери, двадцатилетней красотки по имени Зоуи, отцом которой... был мой покойный муж.

Я вскакиваю, сажусь и осматриваюсь. В гостиной темно, но сюда проникает свет из прихожей, и поэтому я могу разглядеть обстановку. Мой взгляд скользит из левой части комнаты в правую, выхватывая из тени детали: пустое кресло, в котором мы с Нэйтаном любили, обнявшись, смотреть по ночам фильмы;

искусственный фикус – его подарок на нашу девятую годовщину совместной жизни; панели из вишневого дерева, украшающие камин, над которыми Нэйтан с Таем от души потрудились; белая статуэтка на каминной полке – фигурка отца и дочери, которую пару лет назад на День отца подарила Нэйтану Элис. Прямо по центру стены, над каминной полкой, старинная плашка из дерева с надписью: «Все потому, что двое влюбились друг в друга». Прямо над ней висит в рамке наше самое недавнее семейное фото.

Из-за темноты с того места, где сижу, я могу различить лишь четыре нечетких силуэта на нем, но я знаю, какой из них принадлежит ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/kevin-alan-miln/shest-kameshkov-na-schaste/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

Размер 6 в Америке соответствует 40-му в России.

2

Первый и один из самых известных романов канадской писательницы Люси Мод Монтгомери, опубликованный в 1908 году в Канаде. Роман неоднократно экранизировали (прим. ред.).

3

Игра слов – Jesus на испанском и на английском языках имеет одинаковое написание.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/kevin-miln/shest-kameshkov-na-schaste-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)